

ВИКТОРИЯ ВОЛКОВА

ВЕТО
на девочку

Виктория Борисовна Волкова

Вето на девочку

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68495438*

Аннотация

Ему – 36. У него за плечами неудачный брак, взрослая дочь и успешный бизнес. Ей – 19. И она гостя в его доме и подруга его дочери. Он запретил себе думать о ней, как о женщине. Прикасаться к ней. Иначе точно не вывезти. Вот только от мысли, что она в любой момент может уехать, сносит крышу.

Содержание

1. Побег	4
2. Дорога на Москву	10
3. Хозяин дома	16
4. Новый дом	22
5. Лучше сказать правду	28
6. Что происходит?	35
7. Конфиденциальный разговор	44
8. Напряжение нарастает	51
9. Он меня не увидел!	57
10. Не смотри наверх!	63
11. Завтрак	70
12. Ладонка в его руке	75
13. К доске!	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Виктория Волкова

Вето на девочку

1. Побег

– Выкладывай, что случилось? – спрашивает Катерина, стоит мне только усестся рядом за столик.

Оглядываюсь по сторонам. Субботним днем в маленьком кафе напротив театра обычно аншлаг. Но сегодня – пусто.

Лишь в углу печально играет саксофон, надрывая душу, а на дальнем диванчике какая-то парочка целуется взасос.

– Я решила уйти из дома! – заявляю я решительно. – Не могу больше.

Сжимаю в руках телефон и, наткнувшись на жалостливый взгляд Катерины, вздыхаю тяжело.

– Совсем невыносимо? – сочувствует подруга.

Делает знак официанту подождать.

– Они так и не простили тебя? – жалостливо тянет Катя и добавляет веско: – Уже пора бы.

– Нет, – мотаю я головой и добавляю веско: – Решение окончательное. Обжалованию не подлежит.

– Знаю, систер, – печально соглашается Катя и сама чуть не плачет. – Не хочу с тобой разлучаться.

Если честно, ближе Кати Димировой у меня никого нет.

Мы с детского сада дружим. Редко расстаемся и с полуслова понимаем друг друга.

Усмехаюсь горько. Прикусываю губу, чтобы не расплакаться.

– Давай выкладывай, – требует Катерина, мгновенно считывая мое состояние.

– Сестра ждет бебика. Но объявлять при мне не захотела. Дождалась, когда выйду... Вот ей я что сделала? – тяну, всхлипывая.

И сама будто снова оказываюсь в прихожей родительского дома. С кухни доносятся голоса. Мама с сестрой накрывают на стол. Папа с зятем обсуждают последнюю рыбалку.

– Мы хотим вам что-то сказать... – весело начинает сестра и неожиданно осекается. – Она ушла или еще нет? – понижает голос.

– Сейчас посмотрю, – вторит ее муж.

Выглядывает в коридор. Но я успеваю спрятаться в тамбуре.

– Ушла. Можем рассказывать.

– У нас в феврале родится мальчик! – торжественно объявляет Ева.

А я, сцепив зубы, тихо выхожу за дверь. Силюсь не зарыдать от отчаяния. Под окнами, чтобы не заметили, добегаю до калитки. И без сил вваливаюсь в такси.

Знаю! Я накосячила. Но не до такой же степени? За два года могли бы и простить! Но не простили. Никто. Даже ма-

ма, и та от меня отвернулась.

Только одна моя Димирова осталась со мной.

– Хреново, – морщится она. – Но ты права. Нет смысла это терпеть. А что надумала?

– Переведусь в Москву. Там общагу дадут. На работу устраюсь. Как-нибудь справлюсь.

– Москва – это классно! – задумчиво тянет Катерина и тут же, оживившись, хватает меня за руку. – Давай вместе, Макарова?! Я отцу позвоню. Может, он разрешит в его хате пожить. Тогда и в общаге ютиться не придется. Соглашайся, а? Ну как я тут без тебя останусь?

– Да как-то неудобно, – теряюсь я от такого напора.

– Он у меня хороший. Только маме назло все делает, – весело объясняет Катя, заметив мой обалделый взгляд. – Они с мамой развелись, когда мне год исполнился. Молодые были. Дурные. Сразу после школы поженились. Не знаю, что там между ними произошло, – недовольно морщится она. – Он же научил меня в бильярд играть. Тряпки брендовые дарит, – кивает Катя на сумочку от Долче Габбана. – Машины обещал купить. Мама, конечно, будет против. Но стоит мне заикнуться про Москву, папа все решит по-своему. Вот увидишь.

– Может, сделаете заказ? – подходит к нам официант.

Наверняка он все слышал. Но мне плевать. Честное слово! Скоро меня не будет в этом городе. Уеду. Навсегда.

– Два латте! – выбираю я привычно.

А Катерина, деловито подхватив со стола сотовый, нажимает контакт. И когда в трубке раздается «Да, Катя, слушаю!», начинает ныть.

– Пап, мы с моей Макаровой решили в Москву перевестись. Нужно учиться у самых лучших педагогов. А тут что ловить...

– Я тебе давно это говорю, – слышится властный голос.

Вздрагиваю безотчетно. Аж мурашки пробирают от бархатистого тембра с легкой хрипотцой.

– Да, папа, да! – вторит Катя и довольно подмигивает мне. – Так ты нам поможешь? Мы же вдвоем с Настей едем...

– Кто такая Настя? – резко интересуется Димиров.

– Моя Макарова, – фыркает Катерина. – Я тебе про нее рассказывала. Помнишь?

Улыбаюсь, стараясь не рассмеяться в голос. Конечно, так все предельно понятно. Моя Макарова и моя Димирова.

– Ладно, – вздыхает Катин отец. – Я свяжусь с ректором. Вас переведут. Скинь мне все данные. Свои и подружки.

– Папочка, ты самый лучший! – тараторит Катя.

– Догадываюсь об этом, – усмехается мужчина и добавляет требовательно: – Собирайся. С матерью я порешаю.

– Спасибо! Спасибо! – снова подмигивает мне Катерина. Сжав в кулачок наманикюренные пальцы, победно сгибает руку в локте.

Йес!

– Мы тебя не побеспокоим, ни капельки! Сразу в обще-

жители устроимся...

– Нет, Катя, – сдержанно перебивает ее отец. – Никакой общаги. Жить будешь у меня.

– Но я не хочу разлучаться с моей Макаровой. Мы же дру-у-жим.

– Я немного занят, детка. Но если присутствие подруги в твоей жизни – это обязательное условие, то я не против. Приезжайте вместе, – стальным тоном отрезает мужчина и, не попрощавшись, отключает связь.

В трубке слышатся короткие гудки. Но Катю это мало смущает.

– Мы его сделали, систер. Родители такие предсказуемые! – ликует она. – Не бойсь. Папаня мой постоянно в разъездах. Он нам точно мешать не будет.

Ее веселье тотчас же передается мне.

– Это надо отметить! Два коктейля, пожалуйста! – зовет официанта Катя. – Или нет. Апероль! Напиток удачи.

Домой я попадаю поздно вечером. Совершенно спокойно прохожу мимо насупленных родителей.

И на вопрос матери «Как долго это будет продолжаться?» отвечаю с глуповатой улыбкой:

– Это в последний раз, мамочка.

А ровно через неделю торопливо собираю рюкзак и, никому не сказав ни слова, выхожу из дома. Как ни в чем не бывало прохожу два квартала до Катиных ворот. И вместе с ней сажусь в черный агрессивный внедорожник, прислан-

ный ее отцом.

– Александр Георгиевич велел побыстрее вас доставить, – тут же предупреждает водитель. – Поэтому минимум остановок, девочки.

«Александр Георгиевич», – перекаत्याю на языке чужое имя-отчество. Интересно, какой он? Судя по голосу, человек властный. Будет ли донимать нас своими придирками? Или разрешит отвязаться по полной?

И словно подслушав мои мысли, Катерина сплетает свои пальцы с моими, кладет голову мне на плечо и радостно восклицает:

– Не бойсь, Макарова! Папа у меня обалденный.

2. Дорога на Москву

Дорогой мы с Катей дремлем в обнимку. И просыпаемся, когда машина тормозит около сверкающей огнями заправки.

– Пит-стоп, девчонки! – весело провозглашает водитель Денис Иванович, коренастый мужик лет сорока пяти. – Сейчас кофе попьем и дальше поедem. Не хочу ночью останавливаться.

Пока заправляют машину, выходим на воздух. Разминаем затекшие ноги, безумно радуясь путешествию.

– Сортир и кафе тут внутри, – кивает водитель на стекляшку.

Нас долго просить не надо. Помыть руки, умыть лицо. А когда я выхожу из кабинки, Денис Иванович уже маячит рядом с Катей.

– В машину, быстренько, – командует он добродушно. – Кофе я вам принесу. Дорогой попьете. Или кто-то хочет чай?

– Нам два латте, – бойко командует Катя. – А еще круассан и шоколадку, Деня.

– Обязательно, – усмехается тот. И очень настойчиво провожает нас к машине.

– Папа у меня сдвинут на безопасности, – веселится Катерина. – То есть дома я могу хоть всю ночь гулять. А в Москве нельзя. Там я дочка самого Димирова.

– А у нас в Филипповке?

– Мамина! И никому не нужна. Прикинь! – смеется Катерина. В карих глазах мелькают озорные чертики. А черные волосы, уложенные в хвост, качаются туда-сюда.

Тоже хихикаю и осекаюсь на полуслове, когда мой телефон начинает вибрировать.

– Кто там? – тревожно интересуется подруга.

– Отец, – выдыхаю я, борясь с желанием сбросить звонок. Но нельзя. Папа мой в бешенстве страшен. У него и так в каждом городе полно высокопоставленных знакомых. По щелчку пальцев машину остановят и меня доставят обратно.

Нет, он не упоротый бизнесмен. Знаменитый доктор. К нему со всей страны едут.

– Да, папа, – стараюсь сдержать волнение.

– Ты когда домой собираешься, Настя? – строго интересуется он. Голос сухой и надтреснутый.

– Я уехала учиться в Москву, – объявляю торжественно. Не зря же репетировала перед зеркалом. – Две недели назад отправила документы на перевод. Их одобрили. Велели явиться.

– Я не понял. Это шутка такая? Но не смешно. Где ты? Быстро домой.

– Я уехала, папа, – повторяю я снова. – Меня нет в городе. И до следующего лета я возвращаться не планирую.

– Даже так, – недовольно крикает отец. – А нам с матерью почему ничего не сказала? Не сочла нужным?

– Ты бы меня не отпустил, – признаю вслух очевидный

факт.

– Естественно! Чем тебя наш университет не устроил?

– Не тот уровень... Ладно, папа, меня зовут... – пытаюсь я поскорее закончить неприятный разговор.

Отец любит только старших детей. А я... даже родиться умудрилась не вовремя.

– С кем ты? – рычит он в трубку.

– С моей Димировой, – выдыхаю по привычке.

– Ладно, – отрывисто замечает он и приказывает сухо: – Говори, какой поезд. Сейчас кто-нибудь из братьев за тобой подъедет.

Отец, похоже, мне не верит и не скрывает раздражения и усталости. Всем своим видом показывает, как его достали мои выходки.

Хотя и выходок нет никаких. Я – тихоня и отличница, впервые в жизни решившаяся на побег.

– Ноль четыре Эс, – закатив глаза, выдаю я заранее заготовленный ответ. – Мы уже к Москве подъезжаем, пап.

В трубке неожиданно наступает тишина. И мне в первый момент кажется, что связь отключилась. Что-то случилось на линии, и нас разъединили в самый неподходящий момент.

Но отец там. На другом конце миллионов сот, которые соединяют нас в пространстве.

Думает. Пытается понять, что предпринять дальше. Молчу, приставляя палец к губам. Катю дважды просить не надо. Мы с ней на одной волне. Подмигнув, подруга demonstra-

тивно сжимает губы в некое подобие бантика, которое она сама называет «куриной ж. пкой».

Смешно. Но сейчас мне точно не до смеха. Жду, что скажет отец. Как приговора жду.

– Мне это не нравится, Настя, – наконец соизволяет папа продолжить разговор. – Советую сразу вернуться домой. Не усугубляй ситуацию, пожалуйста. Хватит нам позора.

«Вот и радуйся, что избавился!» – утираю ладошкой слезы.

– Я не вернусь, папа, – заявляю без запинки. – Мне девятнадцать лет, и я совершеннолетняя. И если кто-то попытается увезти меня силой, я обвиню в похищении.

Распрямляю спину, стараясь говорить твердо. Главное, не сдаться сейчас. Я все выдержу. Только больше не хочу слышать, в каких бедах семьи я виновата. Все! Надоело!

– Дурдом какой-то! – вздыхает отец. – Это твое право, конечно. Как устроишься в общежитии, позвони матери, – приказывает он голосом, не терпящим возражений.

– Хорошо, – киваю я, наблюдая в лобовое стекло, как от стекляшки к машине спешит наш Денис Иванович. В одной руке стаканы с кофе на подставке, а в другой – пакет со сдобой.

– Вырастили на свою голову, – ругается отец и, не попрощавшись, прекращает разговор.

– Сильно ругается? – косится на меня Катерина.

– Как обычно, – отмахиваюсь я легкомысленно. – Вот по-

чему твой все понимает, а мой вечно всем недоволен.

– Вадиму Ильичу сколько лет?

– Шестьдесят три.

– А моему тридцать шесть.

– Тридцать шесть? – переспрашиваю я не веря. – Сколько ж ему было, когда ты родилась?

– Семнадцать лет. А маме – восемнадцать. Школьный роман. Я же тебе рассказывала. Их, конечно, поженили. Папа перевелся в вечернюю школу и пошел работать. Он и тогда был упертый. А потом родители что-то не поделили и развелись. Прошла любовь, завяли помидоры! – весело хихикает Катерина и тут же обращается к вернувшемуся с нашим ужином Денису Ивановичу:

– Деня, а ты случайно жвачку не купил? Забыла сказать.

– Купил, – весело рапортует тот. – Знаю я твои повадки, Катерина Александровна.

Вроде бы в шутку сказано. Но мне немного режет слух явное несоответствие. Взрослого мужчину моя Димирова называет по имени и на «ты», а он ее величает уважительно. Как хозяйку.

Неужели Катин папа так богат и могуществен, что его влияние распространяется и на дочку? В это трудно поверить, зная Катю Димирову. Такую простую, веселую и совершенно бесхитростную.

– Ваш заказ. – Денис Иванович передает нам подставку с кофе и пакет с выпечкой. А сам садится за руль.

– Вперед! Нас ждет Москва, – улыбается нам в зеркало заднего вида. И включает музыку.

Дорогой мы с Катей пьем кофе из бумажных стаканчиков. Жуем круассаны под задушевный романтический медлячок. Хорошо-то как! Никто не ругается из-за крошек в салоне. Не хмурит бровью, когда хлопает дверца.

Машина плавно скользит по трассе, распугивая грозным видом обычные легковушки. Теперь уже в колонках гремит Би-2. И мы с Катей подпеваем Шуре и Леве.

– Пустые города, в которых никогда ты раньше не бывала!

– Мы все начнем сначала!

Пожалуй, такая жизнь мне нравится! А дальше разберемся. Деньги на карточке отложены. На первое время хватит. Недаром я три года все подарочные собирала. Готовилась. Завтра приеду в Москву. Устроюсь в общежитии и постараюсь найти работу.

3. Хозяин дома

Большая Москва встречает нас утренним солнышком и умытыми после дождя улицами. Машина сворачивает куда-то на МКАДе и несется по дороге, петляющей между поселков.

Продрав глаза, собираю растрепавшиеся волосы в хвост. Сонно разглядываю коттеджи, выглядывающие из-за заборов. С дороги видны только окна верхних этажей и крыши. Но и так понятно, кто тут живет. Богатые и знаменитые.

– Деня, а папа разве не в городе? – изумленно спрашивает Катя. – Мы с ним договаривались...

– Квартиру в Плотниковом затопило, – бодро докладывает Денис Иванович. – Там жить сейчас невозможно. Шеф велел вас на дачу везти. А что? Тут воздух свежий. Корты, бассейны, женихи...

– Мы вообще-то учиться приехали, – голосом ботана напоминает Катерина и добавляет с гордостью: – Моя Макарова, между прочим, повышенную стипендию получает...

– А мы? – смеясь, поддевает Денис Иванович.

– А мы в пролете, – фыркает Катя, подмигивая мне. Ничего, ни она никому не откроем нашей маленькой тайны. Без меня Катя вряд ли бы потянула универ. У нее дислексия. А она это скрывает. Дурочка!

Зато в теннисе ей нет равных. А вот я играю посредствен-

но. Но главное, мы дружим с детского сада и никогда не ссорились.

Напевая под нос, лениво таращусь в окно. Обычный частный сектор неожиданно сменяется элитным поселком, где за закрытыми воротами на дорогах выложен идеальный асфальт. Тротуары вымощены плиткой. А за низкой одинаковой изгородью возвышаются дома, похожие на гигантские кубики с панорамными окнами.

Такое ощущение, что пока мы спали, Денис Иванович пересек границу и вывез нас в Европу.

– Ну вот и приехали, божечки-кошечки! – радостно восклицает Катя, когда машина сворачивает куда-то в сторону. – Сейчас вещи бросаем. Купальники натягиваем и в бассейн, – живо командует подружка.

– А я не брала купальник, – роняю я возмущенно. – Зачем он здесь?

– Не переживай, – отмахивается Катерина. – У меня тут есть несколько. Это я – лошара, забыла тебе сказать. А вон и папа! – радостно машет она.

Машина въезжает в невысокие воротца, и теперь уже и я замечаю высокого подтянутого мужчину, стоящего на крыльце большого трехэтажного дома. Лица пока не разобрать. Но я безотчетно залипаю взглядом на широких плечах хозяина дома.

– Папочка!

Как только внедорожник замирает на месте, Катерина во-

пя выпрыгивает наружу. Несется со всех ног к отцу, сверкая белыми подошвами кедров. Да и он радостно спешит навстречу. Будто маленькая капризная девочка, Катя прыгает на шею отцу. И тут же оказывается в крепких объятиях.

– Выходим, Настя, – улыбается мне водитель. – Александр Георгиевич вас не съест.

– А мой рюкзак? – охаю я, спохватившись.

– Горничные принесут в вашу комнату, – снисходительно объясняет Денис Иванович.

Горничные? Серьезно?

Неловко выбираюсь из машины. И застываю глупой статуей около черного, слегка припыленного бока внедорожника. Пытаюсь представить себя со стороны. Простушка в драных джинсах и мятой майке. Даже куда руки деть от растерянности не знаю.

«Дыши, Макарова!» – приказываю себе.

Обалделым взглядом пробегаюсь по всему великолепию. Невысокие елочки высажены по идеальной прямой. А умопомрачительной красоты люстра тянется в длинном панорамном окне с третьего этажа на первый.

А тут красиво. Очень красиво!

– Настя! – бежит ко мне Катерина. – Не бойся. Мой папа все про тебя знает, – трещит она, подхватывая меня под руку.

Делаю шаг навстречу и пропадаю, попав под прицельный огонь черных глаз хозяина дома. Ноги почему-то становятся ватными, язык прилипает к нёбу, а по спине бегут мурашки.

Если кто тут лошара, так это я.

– Рад познакомиться, Настя, – приветливо кивает мне Александр Георгиевич.

Красивый мужик. Белые джинсы плотно обтягивают длинные ноги, а под синей майкой вырисовываются в меру накачанные плечи. А еще руки... Сильные, холеные. С золотыми часами на запястье. На худом смуглом лице появляется довольная улыбка.

– Рад, что вы с Катюшкой согласились остановиться у меня, – басит хозяин дома, не сводя с меня глаз.

Приглядывается, наверное, что за шалая птица к нему в дом залетела.

– Но папа, мы еще не решили, – возмущенно тянет подруга, входя в холл.

– В нашей квартире сейчас ремонт, – совершенно спокойно объясняет Димиров, придерживая дверь. – А в общежитии вам делать нечего...

Катин отец говорит то же самое, что и мой. И по большому счету, не считается с нашим мнением. Но в его голосе сквозит забота, а мой обычно даже не пытается скрыть раздражение.

Вот и вся разница! И она не в возрасте, а в отношении.

– Прощу, Анастасия, – пропускает меня вперед хозяин дома.

Широкая мужская ладонь слегка касается моей спины. Обычный жест гостеприимства. А у меня подгибаются ко-

ленки и все тело сотрясает неведомая до этого дрожь.

Может, я заболела? Или это от нервов?

Спросить бы у папы... Но он опять заведет свою шарманку о моей непригодности к жизни. Нет уж! Переживу.

– Я тебе после все покажу, – тянет меня за собой Катерина и, словно опомнившись, оборачивается к отцу. – Папа, а ты с нами пообедаешь или сразу уедешь?

От такой наглости Катин отец закашливается.

– Работы как всегда полно, Катюшка, – признается он, улыбаясь. – Но я с удовольствием уделю вам время.

– Шашлыки пожарим?

– Мясо замариновано, детка, – довольно сообщает Александр Георгиевич, будто сорвал джек-пот. – Если хотите, бегите в бассейн. А ближе к обеду встречаемся на западной террасе.

– Ууу, ты самый лучший! – снова бежит к отцу Катерина. Целует в щеку.

А он в ответ слегка касается губами Катиного виска и снова буравит меня жгучим взглядом.

Отворачиваюсь, не выдержав. Рассеянно смотрю на белую мебель, живые цветы в вазах. Поднимаю глаза к прозрачному потолку и задыхаюсь от восторга. Кажется, солнечный свет струится по комнате, наполняя ее теплым сиянием.

– Пойдем! – возвращает меня в реальность Катерина. Схватив за руку, тянет за угол мимо отделанной мрамором лестницы. Останавливаюсь около кабины лифта. Во все глаза

пляюсь на тонкий пальчик подружки, нажимающий на блестящую прозрачную кнопку.

Лифт! В частном доме?! Как такое возможно!

– Это для нас и наших гостей, – объясняет Катерина, подталкивая меня к открывающимся дверцам. – В задней части дома есть еще один, попроще. Для персонала. А этим обслуживать пользоваться запрещено.

Шагнув в серебристую новенькую кабину, провожу пальцем по пупырчатой металлической панели.

Точно такой же лифт папа недавно заказывал себе в клинику. Долго высчитывал, какой лучше выбрать. Ругался с мамой и поставщиком. И даже оформил в банке займ.

– А чем занимается твой отец? – выдыхаю я, не в силах справиться с любопытством.

– Он – архитектор. Строит дома, похожие на наш. У них с другом собственное агентство. Плюс играет на бирже, делает ставки на ринге. Но девелопмент – основная статья доходов, конечно. Никакого криминала. За что папу очень ценю и уважаю. Правда же, он суперский! – с восхищением выдыхает Катерина.

– Идеальный! – признаюсь я как на духу.

4. Новый дом

– Сейчас покажу тебе твою спальню! – ведет меня по второму этажу Катя. – Там папина, – машет рукой в другое крыло дома. – А тут наши.

Осторожно ступаю по мраморному полу, натертому до блеска.

– Такая чистота, а мы в кедах заявились, – роняю я стыдливо.

– Да брось ты! Это не наши хатки в Филипповке. Тут у папы круглосуточно прислуга шуршит.

– А мы никого не встретили, – растерянно оглядываюсь я по сторонам.

На всем втором этаже пусто. На консолях с массивными резными ножками стоят пузатые вазы со свежими цветами. На стенах – картины в золоченых рамах. Просторный холл залит солнечным светом. И вокруг ни души!

– Так у них главное условие – не попадаться на глаза папе, – весело смеется Катерина. – Вот и натирают все с утра, пока он спит. Но штат тут нехилый. Повар, экономка, две-три горничных, охрана, водитель, садовник. Они на третьем этаже живут, – поднимает она палец кверху и добавляет ехидно: – У нас тут самая настоящая общага.

– Так и скажу маме. Поселилась в общежитии, – шучу я. – А до универа отсюда далеко, Кать? – интересуюсь серьез-

но. Если с утра выбираться из пригорода, то во сколько же придется вставать. И самое главное, как добираться обратно. Может, ну его, этот дворец? Общага ближе и душевнее.

– Деня наш умудряется минут за сорок доезжать, – вздыхает Катерина, то ли радуясь, то ли огорчаясь запредельным талантам водителя. – Примерно как на общественном транспорте от общаги... Но у него мигалка, – усмехается подружка и произносит просительно: – Слушай, а давай останемся здесь, а? Ну на фиг нам мотаться по Москве. Тут жиза классная. И на учебе можно полностью сосредоточиться.

– Ага, сейчас, – усмехаюсь я добродушно. Но честно говоря, мне и самой отсюда уезжать не хочется. Когда еще получится пожить в самом настоящем дворце. – А твой папа против не будет? – спрашиваю поспешно.

– Он будет счастлив! – искренне восклицает Катюха и снова тянет меня дальше по коридору.

– Вот твоя комната! – распахивает дверь. – Как тебе?

– Обалдеть! – охаю я, не решаясь войти.

Взглядом натыкаюсь на кровать с белым изголовьем, простеганным золотыми нитками. По обеим сторонам от нее такие же тумбочки. Белые с тонкой золотой отделкой. Такой же узор на потолке. И ковер на полу. Белый с золотыми цветами.

И это обычная гостевая спальня, а не покои принцессы? Точно?

– Лучше, чем в общаге? – подначивает Катерина. И под-

мигивает заговорщицки. – Пойдем, мою хатку покажу.

Деловито бежит вперед и толкает следующую дверь в конце коридора.

– Папочка расстарался, – шепчет довольно Катя.

А я смотрю на розовое чудо. Инкрустированная мебель, цветы в вазах. Кровать, ковер. Все розовое! Даже люстры!

– Балдею от этой комнаты, – признается Катерина. – Чувствую себя настоящей принцессой. Хорошо, что мы с тобой вырвались, Макарова-а! – упав на кровать, тянет блаженно.

Раскинувшись звездой, Катя хлопает по стеганому покрывалу.

– Иди сюда...

Но стоит мне только сделать шаг к кровати, как в комнату вбегает маленькая белая собачонка. И с радостным лаем бросается сначала мне под ноги, а потом на кровать к Кате.

– Жужа! – подхватывает ее Катерина. – Ты еще тут? – смотрит удивленно.

– А где ей быть? – появляется в дверях Александр Георгиевич. – Твоя собака. Прислуга присматривает. К ветеринарам возим. Там счета больше, чем у меня, – усмехается криво.

– Так ты здоровый, а она – больная, – морщится Катерина.

– И что? Пристрелить ее за это? – резко бросает Димиров и, присвистнув, зовет: – Иди ко мне, Жужелица.

Та бойко спрыгивает из Катиных рук и спешит к своему благодетелю. А тот, опустившись на корточки, подставляет

руки, разрешая собаке привычно уюститься в ладонях.

И у меня сразу теплеет на сердце, когда маленькая мальтипу всем тельцем прижимается к мускулистой мужской груди.

– Я же просила тебя от нее избавиться, – дует губки Катерина.

– Я похож на Герасима? – приподнимает одну бровь Димиров. В голосе звучат стальные нотки, а на лице застывает маска холодного раздражения.

Вроде ничего не происходит. Никто не кричит, как у нас в семье. Но Катя, мгновенно почувствовав перемену отцовского настроения, тут же сникает и идет на попятную.

– Какой еще Герасим? – хлопает она глазками, поспешно вставая с кровати.

– Жужа не Му-му, – встречаю я в разговор. И тут же прикусываю себе язык. Вот кто тебя просит, Макарова!

– А, в этом смысле! – смеется весело Катерина. – Ну пусть живет собакевна, – разрешает милостиво и добавляет со вздохом: – Только ко мне пусть не подходит. А то заразит еще!

– Кать? – изумленно пялится на дочку Димиров. – Ты серьезно?

– У нее шов на животе, – морщится Катерина.

А я замираю в ужасе. Даже дышать забываю. Как можно отказаться от беззащитного питомца? Больной, ну и что? Не заслуживает любви?

– Тогда пойду в прорубь кину, – резко разворачивается к

двери Димиров.

– Нет! Не надо! Отдайте ее мне! Пожалуйста! – вскрикиваю я от неожиданности.

А в ответ слышу дружный хохот Димировых. И сама краснею от стыда. Это же надо быть такой тупой?! Ну какая прорубь в конце августа?

– Держи, – словно дорогой приз передает мне собаку Александр Георгиевич. – Она твоя. Пока живешь в нашем доме, прислуга о ней будет заботиться, как и раньше. Я распоряджусь. А вот любовь и ласка теперь на тебе.

– Спасибо, – шепчу я, прижимая к груди маленький белый комочек. И наткнувшись на черный бездонный взгляд Димирова, наклоняюсь к собаке. – Какая же ты красивая, Жужа!

Маленькая добродушная псинка внимательно смотрит на меня, будто что-то решая, а потом маленький розовый язык стремительно облизывает мой нос.

– Фууу, – скривившись, тянет Катерина. – Фууу!

– Есть контакт, – довольно улыбается Александр Георгиевич. Идет к дверям. Но останавливается на пороге, словно вспоминая, зачем приходил. – Катя, шашлык начнем жарить через час. Для бассейна у вас осталось немного времени.

– Хорошо, папочка, – лисой юлит Катерина и мурлычет ласково: – Если мы на полчаса задержимся, ты же не рассердишься. Правда?

– Нет, – отрезает Димиров. – Сегодня я прошу прийти во-

время. У нас к ужину приглашены Лиманские. Вам, девочкам, придется развлекать Алину.

– Мы будем, папочка, – нежненько воркует Катерина.

А как только за отцом закрывается дверь, обнимает меня со спины. Уткнувшись лбом в позвоночник, обвивает руками мою талию.

– Настька, ты просто чудо. Так классно разрулила конфликт. Мне бы папа еще долго эту псину вспоминал. А так... пасьянс сошелся. Спасибо, роднуля!

5. Лучше сказать правду

Около бассейна я чувствую себя неудобно. И даже сама понять не могу почему? Нервно кутаясь в белоснежный махровый халат, лениво раскачиваюсь на качелях и поглаживаю уткнувшуюся мне в бок Жужу.

Рядом на террасе уже вовсю идут приготовления. Фигуристая женщина в форменном платье тщательно вытирает длинный каменный стол. А двое мужчин разжигают мангал, стоящий в сторонке.

Любуюсь синим небом, березками и елочками. И залипаю взглядом на биокаmine, где в прозрачной стеклянной чаше пылает огонь.

На улице прохладно. Особенно под вечер. Так и хочется пересест поближе. Погреться.

А может, меня знобит от нервов, а не от местной погоды. Маме я так и не дозвонилась. Отправила лишь эсмэску, что добралась нормально и устроилась на месте.

– Настя, давай сюда! – кричит из бассейна Катерина, отвлекая меня от грустных мыслей. – Вода отличная!

– Не-не-не, – отмахиваюсь я, смеясь. – Мне на нее даже смотреть страшно.

Жужа приподнимает голову, словно прося «не уходи!». Да я и сама не собираюсь. Разве что за носками подняться. Но тогда Катя очень долго будет надо мной прикалываться.

Прикрыв глаза, тихонечко раскачиваюсь на качелях. Ле-
гонько отталкиваюсь ногой и млею под скупыми лучами мос-
ковского солнышка.

– А ты почему не купаешься? – слышится рядом голос
хозяина дома.

Вздрагиваю, будто меня поймали на месте преступления.

– Х- холодно, – отвечаю я, чуть заикаясь.

– Да я говорил Кате, – морщится Димиров. – Шли бы в
зимний сад. Там в бассейне вода всегда двадцать семь гра-
дусов. Странно, что она выбрала этот.

– Ей нравится, а я тут посижу, – оправдываюсь поспешно.

– Ну ладно, – улыбается Димиров и спешит прочь. А я
выдыхаю с облегчением. Этот человек вводит меня в ступор
и в непонятную дрожь.

Он, конечно, богат и красив, но нужно научиться не па-
совать. Иметь собственное достоинство. А я не могу. Буд-
то слабый беззащитный кролик прогибаюсь перед сильным
хищником.

Если так и дальше пойдет, придется съезжать. Вот только
как быть с Жужей?

Бросить ее я не смогу. А в общежитие с собакой не пустят.

Непонятно зачем смотрю вслед удаляющемуся Димирову.
Залипаю взглядом на широких плечах и крепкой заднице.

Такой мужчина не может жить один. Наверняка есть лю-
бовница или гражданская жена. Только Катя о ней ничего не
рассказывала. А спрашивать я не собираюсь.

Александр Георгиевич негромко окликает кого-то из персонала, на ходу дает указание и ленивым шагом удаляется в дом.

Может, мне кажется, но вокруг Димирова все происходит легко и непринужденно. Вроде он никого ни к чему не принуждает. А все исполняется сразу же, словно по мановению волшебной палочки.

Вот и сейчас двое парней, подхватившись, спешат к камину. Осторожно переставляют тяжелую конструкцию на специальную подставку на колесах и катят ее ко мне.

Он что? Распорядился передвинуть камин, чтобы я не мерзла? Потрясающий человек!

– Ух ты! Как хорошо! – трясась от холода, выбегает из бассейна Катерина. Быстрой лошадкой несется к камину. Подставляет мокрые ладони к языкам пламени. – Папочка для меня постарался. Люблю-люблю!

«Действительно! – протянув Кате полотенце, думаю я. – Александр Георгиевич – хороший отец. Сразу догадался, что дочке будет холодно из воды выходить».

– Вот он такой во всем, – стуча зубами, вытирается Катя. – И как мама могла такого мужика на придурашливого Витю променять? Не понимаю!

Сунув мне на колени Жужу, усаживается рядом.

– Ох, хорошо, что мы с тобой в Москву выбрались, Настя, – тянет довольно и неожиданно подскакивает на месте.

– Что тебя так насторожило? – спрашиваю я лениво.

– Гости приехали. Гоу одеваться. Бежим! – хватает она меня за руку. А я в свою очередь крепко сжимаю Жужу. – Быстрее, Настя, – торопит меня подруга.

– Что случилось? – спрашиваю я, влетая в дом одновременно с Катей.

– Вон, смотри, – манит она меня к окну. – Лиманские приехали...

Изумленно таращусь на людей, поднимающихся по ступенькам. Симпатичный высокий мужчина ведет за руку настоящую восточную красавицу. А за ними чуть поодаль спешит невысокий красивый парень.

– Ой, и Алишер с ними! А папа ничего не говорил, – возбужденно шепчет Катя. – Это мой краш, – признается порывисто и тут же предупреждает строго: – Макарова, он – мой. Даже не суйся.

– Больно надо, Димирова, – фыркаю я, демонстративно отходя от окна. Медленно поднимаюсь по лестнице, поджидая, пока Катерина насмотрится на своего Алишера.

Невысокого роста худощавый мужчина, больше смахивающий на подростка. Такие мне никогда не нравились!

И как только Катя догоняет меня, роняю насмешливо:

– Он вообще не в моем вкусе. Я люблю высоких пацанов.

– Слушай, а ты правда Кириллу кольцо вернула?

– Ну я же тебе говорила, – отмахиваюсь я недовольно. И войдя в свою комнату, падаю на кровать.

Сейчас бы поспать. Но меня ждут к обеду, и отказаться я

не могу. Невежливо. Обнимаю Жужу, прижавшуюся к груди. И чувствую, как наваливается непонятная тоска, замешанная на страхе.

Как оно дальше будет? Как меня воспримут новые однокурсники? И не дай бог поспорить с Катей. Получается, я теперь завишу от нее.

«Глупости! – отмахиваюсь решительно. – Мы с Димировой никогда не ссоримся. И Алишер этот мне на фиг не нужен!»

В ящике тумбочки дребезжит сотовый. Дрожащей рукой вытягиваю его наружу. И в ужасе смотрю на экран.

Мама. Хорошо, что не папа!

– Да, мам, – отвечаю я, стараясь сразу взять легкие интонации.

– Здравствуй, Настя, – строго произносит она. – Ты уже устроилась?

– Привет. Да, – лепечу я, сбиваясь с мысли.

– Ты сама в комнате? – интересуется мама устало.

Так и хочется ответить «нет, со мной еще одна девочка!», но что-то в мамином голосе настораживает. Да и врать не хочется.

– Да, – роняю коротко.

– А Катя?

– Она в соседней.

– И как оно, в чужом доме? – горько спрашивает мама.

– Мы только приехали, – выдаю я непреложный факт. –

Когда дадут общежитие, перееду.

– Да уж лучше у Катинного отца под присмотром живите, – вздыхает мама и добавляет с усмешкой: – Рита говорит, он Катю в ежовых рукавицах держит...

Силуюсь не расхохотаться. Если это ежовые рукавички, то какие тогда атласные перчатки.

– Мне пора, – стараюсь прекратить разговор.

– Мне тоже, – вздыхает мама и добавляет категорично: – Веди там себя прилично, Настя. Деньги я тебе на карточку кинула. За еду и коммуналку вноси там. Ты же не бедная родственница и не приживалка.

– Хорошо, мама. Спасибо, – благодарю совершенно искренне. – Я так и сделаю.

И закончив разговор, в ужасе смотрю на часы. Через пять минут нам с Катей нужно спуститься к столу.

И в ужасе смотрю на отглаженные, будто новые, джинсы, висящие на подставке для одежды, и пустой рюкзак, стоящий рядом. Кидаюсь к шкафу. И как только распахиваю дверцы, в комнату wpłyвает Катя.

Вот уж точно, она время зря не теряла. Сделала легкий макияж и даже волосы уложить успела. И платье в пол, яркое, чуть облегающее. А сверху джинсовка известного бренда. Очень красиво!

– Божечки-кошечки, Макарова! Ты еще не готова? – закатывает Катя глаза. – Папа меня убьет.

«Такие не убивают», – так и хочется возразить мне. Но я,

снямая с вешалки сетчатую тунику в мелкий цветок, лишь роняю: «Сейчас, минутку!».

Натягиваю джинсы, тянусь за туникой.

– Ты в этом замерзнешь. Мы же на улице сидеть будем, – смотрит на меня строго моя Димирова. – Где вообще все твои теплые вещи?

– Я посылкой отправила, – фыркаю довольно. – Не хотела привлекать внимания.

– Ладно, проехали, – вздыхает Катерина. В карих, как у отца, глазах еще плещется сомнение, но уже бегают озорные чертики. – Давай платье принесу. Мы с мамой его перед самым отъездом купили.

– Какое?

– Атласная комбинация бутылочного цвета со стразами на лямках, а к ней рубашка почти до колен. Ткань плотная. Не замерзнешь.

– Тащи, – соглашаюсь легкомысленно. Мы с Димировой часто меняемся вещами. К большому неудовольствию моих родителей.

– Носить чужие вещи негигиенично! – всегда говорит мама, как только уличает нас с Катей в обмене. А папа морщится и называет наши переодевашки плебейской привычкой.

Интересно, а что подумает Александр Георгиевич?

6. Что происходит?

Димиров

– Никак не пойму, Димир, – пожимает плечами Герман, мой партнер по бизнесу и старый друг. – Какого ты девчонок у себя поселил? Снял бы им квартиру в центре. Нанял бы консьержек докладывать...

– Так спокойнее, – отрезаю я, разливая по стаканам виски. – А ты что будешь пить, Алин? – перевожу взгляд на прекрасную жену Лиманского.

– Яблочный сок! – в один голос отвечает парочка.

Та-а-ак! Интересный поворот.

Наблюдаю, как Герман наполняет бокал жены темно-янтарной жидкостью. И внимательно смотрю на друзей.

– Выкладывайте, пока Алишера нет, – весело приказываю я.

Алина растерянно смотрит на мужа, а тот, откашлявшись для приличия, сообщает неохотно:

– У нас весной будет третий. Еще рано объявлять официально. Слишком маленький срок. Поэтому держи язык за зубами.

– Клянусь, – шутливо прикладываю руку к груди. Но Ли-

манские и без всяких клятв знают: от меня инфа никуда не выйдет.

Поймав спокойный взгляд Алины, поднимаю бокал.

– Здоровья тебе, принцесса! Если этот придурок посмеет тебя расстроить, приходи ко мне со всеми тремя детьми.

– Да фиг тебе! – самодовольно смеется Лиманский. А строгая Алина Муратовна лишь опалает меня укоризненным взглядом.

– А где, кстати, Дарина? – демонстративно оглядывается по сторонам Герман. – Я что-то пропустил?

– Кажется, в Сочи уехала, – досадливо морщусь я. С любовницей я расстался сегодня утром. Надоели бесконечные намеки на свадьбу и истерики. Вроде сразу предупредил: я никогда не женюсь. Одного раза хватило.

– Меня больше интересует, где этот придурок? – киваю на пустующее место Алишера и добавляю раздраженно: – И Катя с подружкой задерживаются...

– Вроде отлить пошел, – хмыкает Герман.

А его жена радостно восклицает:

– А вот и девочки!

Поворачиваю голову и застываю на месте. Интересно, только челюсть вывалилась или шары тоже?

Катерина на каблуках в подаренном мною платье важно шествует по террасе, будто на показе мод. Но не она привлекает мое внимание. А маленький худой воробей, шагающий рядом.

Настя!

Нервно сглатываю, стоит только зацепиться взглядом за тоненькую фигурку. Слишком гладкая ткань не оставляет никакой тайны. Жадно пялюсь на высокую грудь и длинные ноги, проступающие из-под шелковой ткани. Поднимаю взгляд выше и, наткнувшись на длинные блондинистые локоны, ловлю себя на совершенно дурацком желании намотать их на палец. А потом...

Легкий удар по голени приводит меня в чувство.

– Интересно, где застрял Алишер? – фыркает недовольно Герман.

– А зачем ты меня пинаешь? – интересуюсь холодно.

– Прости, нечаянно задел, – улыбается как ни в чем не бывало Лиманский.

На правах друга семьи встает с места, обнимает радостную Катерину. То же проделывает и его жена.

А я, поднявшись из-за стола, отодвигаю стул для Насти.

– Прошу. Будь как дома.

– Спасибо, – шепчет она, опустив глаза. Так и хочется приподнять подбородок и заглянуть в смущенное девичье личико.

Но нельзя! Нельзя. Это все-таки подружка моей дочери.

– А где Алишер? – удивленно спрашивает Катя, садясь по другую от меня сторону. Рядом со стулом писающего мальчика.

– Потерялся где-то между террасой и ватерклозетом, –

ехидно усмехается Лиманский.

– Может, его поискать? – хлопает глазами моя дочь.

– Ага, – огрызаюсь резко. – Сейчас пойду в дверь сортира постучу.

Настроение портится. И не Алишер тому виной. А девочка, сидящая рядом.

Что же я за скотина такая! Собственный зуд унять не могу. Сразу как увидел, запал. Идиот.

Женщин никогда не видел, что ли? Так их у меня... До ночи считать можно.

Вот только бы понять, почему меня тянет к Катиной подруге? И на кой ляд я поселил их в своем доме?

Много вопросов. Ситуацию еще можно исправить. Но я не хочу. Это первая реакция. Она пройдет. А Катьку нужно контролировать. Та еще оторва! Вся в мамашу свою.

– Где он есть? – заметив мою недовольную морду, бурчит Герман. Подхватив со стола трубку, тыкает в контакт. – Занято! – объявляет во всеуслышание и смотрит на меня в упор. – Может, правда, поискать?

– Да сиди уже. Никуда он тут не денется. Охрана на каждом углу. Давайте ужинать, – объявляю я чуть громче и делаю знак повару, дежурящему у мангала.

– Вы что будете пить? Вино или шампанское? – спрашиваю у девчонок. Виски заведомо детям не предлагаю.

– Мне сок, – тут же, не раздумывая, отвечает Настя.

– А мне тоже сок, только с виски, пап, – нахально заявляет

моя дочь.

– Тебе завтра на занятия, будешь там с похмела, – роняю я, улыбаясь. Но голову оторвать уже хочется.

Какой, блин, виски? В девятнадцать-то лет? И где она его пила? Нужно позвонить Ритке и задать чертей за дрянное воспитание. Вот собирался же забрать дочку сразу после началки. Так не дали, педагоги хреновы.

– Вам завтра к какой паре? – сжимаю в пальцах вилку. И примерно представляю ответ.

Не зна-а-аю, папа!

– К первой, – тихо и коротко замечает Настя. – Занятия начинаются с десяти, но секретарь в деканате попросила приехать к первой паре. Там что-то подписать надо и получить студенческие билеты.

– Хорошо, тогда вместе в город поедem, – киваю я. И заметив показавшегося из-за угла потерявшегося гостя, восклицаю умышленно громко: – Ну наконец-то мы дождались! Предлагаю выпить за возвращение Алишера!

– Хороший тост, – вторит мне Лиманский. – Это событие нужно отметить.

И когда Алишер садится за стол, интересуется пренебрежительно:

– Где тебя носило, дебилушка?

– Потом скажу, – нервно передергивает плечами тонкий в кости Алишер. Он и так выдержкой не страдает. А сейчас прям весь на пределе.

– Тебя там пытали, что ли? – кошусь недовольно. – Что вообще за номера? Приехать в гости и затеряться не пойми где.

– Да у тебя тут можно запросто неделю выход искать, – роняет Алишер, накладывая шашлык в тарелку.

– Что тебя так задержало? – откидываюсь на спинку кресла. Непроизвольно кошусь на Настю.

Девчонка спокойно отрезает от шашлыка маленький ломтик и отправляет его в рот.

Тогда как моя Екатерина Александровна уже нарезала весь кусок мяса на мелкие кусочки и заглатывает их как утка.

Ну что за воспитание? Придется высказать все Маргарите!

И снова перевожу взгляд на Настю. На свою беду, блин! Девчонка облизывает жирные губы, а затем, взяв стакан с соком, захватывает ртом трубочку.

Совершенно невинный жест. Но заводит нехило, чтоб я сдох!

– Алишер, – желая отвлечься, киваю приятелю. – Мы ждем.

– Дайте поесть, – бурчит тот. – Что привязались? Сказал же, потом...

– Сейчас, – тихо, но твердо настаивает Герман.

– Айрат звонил, – бурчит Алишер, всем своим видом показывая, кто тут debil.

– Что хотел? – рычит Лиманский. И я вижу, как в одно

мгновенье напрягается друг, как дергается Алина.

Вот же далось мне дурацкое отсутствие Алишера! Решил человек промолчать, какого настаивать?

– А вы где учитесь? – интересуется Алина у Насти, всем своим видом показывая, будто ей совершенно не интересны мужские разговоры.

– На мехмате, – слышится рефреном Настин голос. – Отделение механики.

До сих пор не могу понять, какая нелегкая понесла мою дочь на самый сложный факультет. Вроде в школе она особо талантами не блистала. Но глаза у знакомых вываливаются, когда я небрежно сообщаю, где учится моя дочь. Горжусь невероятно! Это вам не бесполезные филфак с инязом.

– Айрат просит допустить его на ринг. Старая история вроде забыта. Клянется шоу не срывать, – серьезно заявляет Алишер.

Морщусь, стараясь сосредоточиться на возникшей проблеме.

– А где гарантии? – спрашиваю нехотя. Не знаю, кто как... А я против Айрата. Нормальный боец не срывается с ринга. Не превращает бой в шоу. Да и староват он уже. Вон, от молодых зубастых нет отбоя.

– Да пусть выходит, – раздраженно морщит нос Лиманский. – Какая разница? Мы на бои ближайшее время не собираемся.

– А ты, Димир? – пристально смотрит на меня Алишер,

наш главный устроитель боев.

– Приду, – киваю, намереваясь сгладить ситуацию. – Посмотрю на этого зверя.

– Папа, и мы с тобой! – радостно восклицает Катя к вящему ужасу Алины.

Ту историю я знаю не понаслышке. Сам был в зале, когда сорвался Айрат и бросился к жене Лиманского. Орал какую-то чушь. Полез драться с охраной. Пришлось вписаться тогда. И даже всечь кому-то в нос, давая Лиманским возможность беспрепятственно покинуть зал.

– Нечего тебе там делать, – отрезаю жестко. – Ринг – мужская забава и девушкам там не место.

– Папочка, – складывает губки трубочкой Катя. – Ну пожалуйста, мы с Настей давно мечтали.

Удивленно смотрю на гостью.

– Неужели? – приподнимаю бровь.

– Не знаю, – бормочет Настя, откладывая в сторону булочку с кунжутом. – Я там никогда не была. Было бы интересно.

Мне даже поворачиваться не надо. Точно знаю, что моя Катерина подает подруге знаки. А та поддерживает бесстрашно.

Какие бои, девочка?!

Тебя бы обнять и лелеять. Закреть в комнате и самому любоваться.

– Посмотрим, – роняю устало. И так с утра весь на нервах. И тут замечаю белое зернышко кунжута, прилипшее к розо-

вой пухлой губке. И чуть с ума не схожу от желания провести по Настиному рту языком, убирая прочь дурацкую крошку.

– Насть, возьми. – Катерина протягивает салфетку подруге. Та на автомате вытирает губы.

А я тру переносицу в тихом бешенстве.

Что со мной происходит? Заболел, что ли?

7. Конфиденциальный разговор

– Я бы не рекомендовал, – цедит сквозь зубы Герман. – Алишер у нас хоть и радеет за стопроцентную безопасность, но риски все равно остаются. Ринг заводит мужиков. И это известный факт. Красивым девочкам из хороших семей там делать нечего.

– А мы переоденемся мальчиками, – смеется Катерина, отламывая виноградину с грозди. Прикусываю себе язык, чтобы не сказать какую-нибудь пошлость.

– Нет, Катя, – отрезаю скупое. – Никакого ринга. Замуж выйдешь, и пусть тебя муж водит. А пока разговор закончен, и больше мы к нему не возвращаемся. Иначе твоя мама с меня шкуру сдерет.

– Мамочка у меня добрая, – тоскливо вздыхает Катерина, явно понимая, что с рингом ничего не обломится.

Добрая Рита! Ага-ага! Да эта стерва меня чуть со свету не сжила! Конечно, кто спорит. Я был редким балбесом. Сейчас точно всек бы себе восемнадцатилетнему, если б представилась возможность. А уж как Ритка орала тогда! Я думал, у меня барабанные перепонки лопнут.

Телефон тренькает старым хитом давно развалившейся группы.

«Скованные одной цепью, связанные одной целью!»

Рита! Легка на помине.

– Слушаю, – отвечаю лениво. Я ничего не чувствую к этой женщине.

Страсть. Ненависть. Все отгорело и погасло. Давным-давно!

– Саша, привет, – заявляет она радушно. Ну как нормальный человек. Не орет с ходу. Не кидается обвинениями. – Можешь уделить минутку? У меня конфиденциальный разговор.

Странно. Очень. Спокойная Маргарита – само по себе большая редкость. А уж с разговорами по секрету – тем более!

– Если только недолго, Марго, – усмехаюсь, поднимаясь из-за стола.

Интересно, о чем хочет поговорить моя бывшая. Да еще и без свидетелей.

– Мамочка, привет! – орет дурниной Катя. Вот просили ее!

– Катя рядом? – переспрашивает Рита, как будто еще есть у нас с ней общие дочери. – И Настя?

– Да, мы обедаем, – роняю коротко. Отхожу чуть в сторону и даже чувствую на себе внимательный взгляд дочери. И специально поворачиваюсь спиной к Катерине.

– Саша, – вздыхает бывшая. – Я тебе по поводу Насти звоню.

Неожиданный поворот!

– А что такое? – отхожу подальше к бассейну. – Не та, за

кого себя выдает? – роняю глухо. И очень надеюсь, что маленькая птичка-синичка меня не разочарует. Такая просто не способна. В отличие от моей бывшей.

– Да ну что ты! – возмущается Рита. – Настя – девочка очень хорошая. На нашу дурунду влияет положительно. Только... – мнется, подбирая слова.

– Выкладывай. Не тяни, – шагаю по дорожке, усаженной елочками.

– Сейчас Настина мама звонила... – роняет осторожно Маргарита.

И я инстинктивно напрягаюсь, словно готовлюсь к бою. Неужели сейчас попросит вернуть девчонку домой или переселить в общежитие.

В душе все обрывается от тревоги. Я не отдам.

Просто не смогу отпустить девчонку. Мне ее видеть нужно. Дышать одним воздухом. Заботиться. Просто знать, что она рядом.

– Какие-то проблемы? – роняю отрывисто. Засунув руку в карман, сжимаю пальцы в кулак.

Да фиг я отпущу теперь Настю!

– Нет-нет, все нормально. Но Макаровы – очень щепетильные. И хотят компенсировать проживание Насти в твоём доме. Ты, пожалуйста, не бери с нее ни копейки. Мне Вадим Ильич помог очень сильно. Я в неоплатном долгу перед ним. Столько лет мучилась. А он...

– Ты заболела? – интересуюсь серьезно. Рита мне не чу-

жая. Пусть и бывшая... Но первая любовь. И дочка у нас общая.

– Нет, теперь все отлично, – радостно смеется бывшая. – Даже хорошо, что Катя к тебе уехала...

– Рита, – рыкая, останавливая треп. – Давай ближе к делу.

– У нас с Витей будет ребенок, – выдыхает Маргарита. – Столько лет не получалось. А тут... Я на седьмом небе от счастья, Саш. Правда! И все благодаря Макарову. Он точно поставил диагноз. Назначил лечение. И все получилось...

– Поздравляю, – роняю скупое. – Если у тебя все...

– Саш, подожди, – умоляюще просит бывшая. – Ты за Настенкой присмотри, пожалуйста. Она хорошая девочка. Только в своей семье не нужна никому. Папа, конечно, светило. Но у него еще трое от первого брака. И в любимицах ходит другая дочка. А эта как трава в поле...

– А ну-ка, поподробней, – велю коротко.

И Рита тотчас сникает. И вздохнув, рассказывает неохотно:

– Настя – племянница Люды Тумановой. Помнишь, со мной училась... Людкина старшая сестра замутила роман с женатым мужиком. Родила Настю. А потом, когда у него жена окочурилась, они поженились. Там настоящая трагедия была. Мне Люда рассказывала. Поэтому старшие дети Макарова не любят Настю. И Люда говорила, что именно Настю винят в гибели своей матери. Представляешь? Мол, узнала о ребенке, и сосуд лопнул.

– Бред какой-то, – роняю устало. – Ребенок не может нести ответственность за проступки взрослых. Козел твой доктор, хоть и гений. А за девочкой я присмотрю по возможности. Спасибо, что предупредила, Рита.

– Я рада, что ты все понял правильно, – охает она и уже собирается попрощаться, как я предлагаю решительно:

– Если нужна помощь, скажи. Я все оплачу. И рожать надо в хорошем месте, а не у вас в поселке, в этих богом забытых Филлипиннах. Найди нормальную клинику, Рита. И пришли мне счет. Пусть ведут тебя всю беременность. Я оплачу.

– Саш... Это лишнее, правда.

– А если Витька будет против, я приеду и набью ему морду. Да еще за разбитую «Яву» взыщу. Так ему и передай.

Впервые за много лет я спокойно говорю о бывшем друге, который когда-то, целую вечность назад, увел у меня жену.

Сначала была ярость, потом явное пренебрежение, а теперь, когда все отболело, можно и пошутить.

Рита смеется негромко. А я повторяю, как для умственно отсталых:

– Найди лучшую клинику и пришли мне счет. Я настаиваю. Все-таки брат или сестра моей дочери...

– Спасибо, родненький, – в порыве чувств всхлипывает Рита. А я, закончив разговор, медленно бреду к гостям.

«Это тебе спасибо, Маргарита Николаевна! Вовремя сообщила. Благодарю за службу!»

А мыслями снова возвращаюсь к Насте. Девочка славная.

Как же такую не любить?

Чисто по-отцовски, естественно!

Взглядом выискиваю на террасе блондинистую головку. И неожиданно замечаю бойко беседующих Алину и Настю.

Интересно, о чем болтают?

– Прошу прощения, – улыбаюсь гостям. – Катина мама беспокоится, как девочки устроились.

Лиманский изумленно хмыкает. Даже одна бровь сардонически ползет вверх. Но Гере можно. Он в теме и точно знает, сколько крови у меня выпила прекрасная Маргарита.

– Мама зря беспокоится, – снова складывает ротик куриной ж. пкой Катя.

А мне хочется дать ей по губам за эту дурацкую привычку. Взрослая уже девочка, а вести себя не умеет.

– Она – мама, – пресекаю решительно. И усевшись за стол, поворачиваюсь к Алине и Насте, увлеченным беседой.

– Саша, – тут же обращается ко мне Алина. – Я тут предлагаю Насте прийти к нам работать. Нам давно расчетчик нужен. Но с улицы брать не хочется.

Да знаю я! Сам давно ищу! Но работать вместе с Настей? Знать, что она рядом за стенкой? Я так долго точно не выдержу.

– Ты против? – лениво тянет Герман, мгновенно считав мои эмоции. Отхлебывает из стакана виски.

– Нет, – равнодушно пожимаю плечами. – Если Настя согласна. Но я бы дал человеку время осмотреться по сторонам

и начать учебу. А там решим...

И тут же натыкаюсь на растерянный взгляд Насти Макаровой. Иду на попятный. А что делать?

– Втянешься в учебу и приступай. Можешь даже работать удаленно. Нет смысла тратить время на переезды.

– Папа! Вот классная идея! – восхищенно восклицает Катерина. – Ты просто супер!

Супер, не супер, но теперь я искренне опасаюсь за свою башку. Крышу и так сносит. А если девчонка еще и в офис заявится, то пиши пропало. Я точно умом тронусь!

8. Напряжение нарастает

Вместе с девчонками провожаю гостей до машины. Алина зябко ежится на вечернем ветерке. И рука Лиманского сразу же ложится на плечо жене.

– Замерзла? – улыбаясь, тихо шепчет Герман. Прижимает к себе любимую женщину.

Безотчетно оглядываюсь на Настю.

Маленький воробушек кутается в плед. Так бы и обнял сейчас. Согрел бы... До утра бы согревал.

– Так что скажешь, Алекс? – внезапно врывается в мои мысли Алишер.

Сунув руки в карманы, насуплено поворачиваюсь.

– О чем речь? Повтори, пожалуйста, – прошу немного раздраженно. Но сердиться могу только на себя. Друг что-то рассказывал, а я в облаках витал.

Для бизнесмена моего уровня это опасно. Один раз зевнешь – останешься без бабок, а на второй – можно лишиться жизни. А я, как дурак, постоянно о Насе думаю.

– Да я и говорю. Давай войдем в долю. Проект многообещающий... Люди серьезные.

Твою ж мать! Я все пропустил. А спрашивать «какой проект? Что за люди?» – Алишер еще обидится.

– Бизнес-план уже есть? – приподнимаю одну бровь. – Хочу посмотреть расчеты. И тогда приму решение.

– Но Томочка говорит...

– Я тоже могу много чего рассказать, – усмехаюсь устало. – Завтра, Алишер. У меня в офисе, – пресекаю разговоры о сказочной сверхприбыли. Плавали. Знаем.

– Как скажешь, Алекс, – жмет руку на прощание Алишер. – Мы завтра с Томочкой к тебе подъедем.

– Примерно после трех, – соглашаюсь я, отвечая на твердое рукопожатие.

Осторожно целую Алину в щеку. Обнимаюсь с Лиманским.

– Ты мне не нравишься, Саня, – бурчит недовольно он.

– Я тебя тоже люблю, – усмехаюсь на прощанье.

– Сань, ты знаешь, о чем я... – многозначительно смотрит на меня Герман.

– Нет, – делаю вид, что не врубаюсь.

– Ладно, проехали. – Легкая гримаса пробегает по холемому лицу друга.

– До завтра, – машу на прощанье.

И поравнявшись с девчонками, стоящими около крыльца, велю строго:

– По кроваткам. Завтра рано вставать.

– Пап, а кто такая Тома? – интересуется Катя, пропуская подругу вперед.

– А? Что? – словно старый дед, бурчу недовольно.

– Алишер к тебе завтра с какой-то девушкой собирался.

– А, это... невеста, наверное, – пожимаю плечами. – Ну

откуда я знаю, Кать!

На самом деле, я в курсе, конечно. Томочка – это Тамаз Талахадзе, один из компаньонов Алишера. Но Кате пока лучше побыть в неведении. Не фиг строить глазки мужику под сорокет. Пусть лучше об одноклассниках думает. Со старым дедом поджениться – так себе идея.

«Алишер на три года младше тебя», – услужливо подсказывает память.

«Плевать», – отмахиваюсь раздраженно. И как самый настоящий балбес, тупо пялюсь на ноги и упругую задницу Нasti Макаровой.

«Да клубись оно все конем», – стискиваю зубы, чтобы не заорать.

– Спокойной ночи, – киваю девчонкам, поспешно сворачивая к себе в кабинет.

Капитулирую, будто последний трус.

«Это вынужденная мера, – уговариваю сам себя. – Пройдет пару дней, и перебешусь. Сейчас главное, держать себя в руках и не наделать глупостей, о которых потом пожалею».

Усевшись в кресло, прикрываю глаза. Плечо болит, а в висках ломит. Да и девочка эта не идет из головы. Впервые в жизни жалею, что у Кати такая хорошая подруга. Хотел бы и я с ней подружиться...

«Твою ж налево!» – сжимаю кулаки. Сейчас бы всечь кому-нибудь, чтобы вышел пар. Или съездить в город к Снежане. Она всегда ждет и ни о чем не просит.

Но кажется, я сегодня еще собирался поработать. Договоры нужно хоть по диагонали просмотреть. Обычно все документы подписывают топ-менеджеры, но самые важные контракты я проверяю лично.

Положив ладони на подлокотники из плотной кожи,ставляю себя расслабиться. Пальцы медленно ведут по гладкой прохладной поверхности. Вдох, выдох и снова вдох. Пытаюсь сконцентрировать внимание на работе. Заранее планирую завтрашний день. И только потом разрешаю себе прилечь. Тихо. Разбрелись по спальням котятки.

Неспешно поднимаюсь по лестнице и мысленно подтруниваю над собой. Это ж надо, девочку молоденькую испугался! Да у меня таких стопятсот в каждой бочке.

Надо сосредоточиться и выкинуть девчонку из головы. Не думать о ней. Ввести штрафы за каждую глупую фантазию о Насте Макаровой.

Достав папку с бумагами, плюхаюсь в кресло. Выдвигаю подставку для ног. Если тут усну, не беда! И вытащив из кожаных недр портфеля ручку «Паркер», принимаюсь за работу. Действительно сосредотачиваюсь на каждой строчке договора и отвлекаюсь, услышав цокот собачьих лап по мрамору.

Жужа, зараза! Ко мне бежит!

Улыбаясь, кошусь на дверь. Поджидаю вероломную собаку. Быстро же она к Насте переметнулась. А кто лечил? Оплачивал операцию и прочую фигню от ветеринара? Забы-

ла уже, сучка крашенная!

В коридоре появляется маленькая нахальная собачонка. Садится напротив распахнутой двери, наклонив голову, смотрит с укоризной. И даже хвостом не виляет, как обычно.

«Ты меня отдал чужому человеку. Как же ты мог, хозяйин?» – словно обвиняет меня Жужелица, больше похожая на живую игрушку, чем на собаку. Сидит, не двигаясь, и смотрит, не мигая. Игрушка и есть!

Улыбаюсь собаке. Но пока не зову. Выжидаю. Она тоже знает правила игры. Но хвост уже приходит в движение от радости. Стоит только свистнуть, бросится со всех ног ко мне. Запрыгнет на колени. Начнет ластиться.

Но в этот раз все идет не так.

В проеме на короткий миг появляется тонкая фигурка в шортиках и майках на лямках и подхватывает собаку на руки.

Как зачарованный, гляжу на длинные голые ноги и бултыхающуюся под тонким трикотажем высокую грудь. Длинные волосы падают волной и плотной завесой закрывают лицо Насти. А мне словно бьют контрольным в голову.

– Пойдем спать, Жужа, – ласково мурлычет Настя и убеждает прочь.

А я как последний дурак, смотрю на пустой проем и пытаюсь выровнять дыхание.

Но все мои попытки заканчиваются полным провалом, стоит только вспомнить худенькую девчонку на пороге моих

апартаментов. Словно обалдевший юнец, смакую увиденное. Длинные ноги, тонкие изящные щиколотки... Схватить бы и утянуть к себе. Оставить до утра.

«Что-то меня совсем на ней заклинило», – раздраженно откидываю бумаги в сторону.

Тру лоб, пытаюсь справиться с волнением. Но как ни крути, признаю очевидный факт. Девчонка зацепила меня не подетски. Пора исправлять ситуацию. Клин нужно вышибать клином. И если нельзя подступиться к Насе Макаровой, то всегда найдется другая. Достав из кармана сотовый, сначала смотрю на часы. Половина двенадцатого. Время детское.

– Снежана, ты еще не спишь? – звоню очередной любовнице и не дождавшись ответа, заявляю: – Я сейчас приеду.

9. Он меня не увидел!

Настя

По меркам Филлиповки моя семья всегда считалась одной из самых обеспеченных. И мне казалось, я привыкла к роскоши. Выросла в ней. Всегда воспринимала как должное крутые тачки отца и братьев. Считала себя принцессой, пока не столкнулась с настоящим богатством. Моим родителям и не снилась такая роскошь. Но они к ней никогда и не стремились.

«Им и в голову не приходило обложить санузел мрамором, – думаю я, проводя по идеально гладкой серой поверхности. – И это только гостевой! Что говорить о ванной в Катиной спальне или у хозяина дома?»

Пальцы скользят по мокрой стене. Затем касаются блестящего крана. Стоит только подставить к нему ладонь, включается вода. Даже унитаз похож на белый трон.

Катя права. Тут лучше, чем в общежитии. Вот только привыкну ли я к роскошной жизни Димировского особняка? Наверяд ли.

Пока меня угнетает богатая обстановка дома, пусть даже созданная с большим вкусом. Но я здесь чувствую себя са-

мозванкой. И с ужасом жду, когда раскусят, возьмут за ухо и выставят вон.

Выключив воду, сразу же кутаюсь в пушистое махровое полотенце. Нет, в ванной не холодно. Везде по дому включены теплые полы. И мои апартаменты не исключение. Ступаю на прогретый мрамор и неожиданно улыбаюсь, вспомнив споры родителей. Папа всегда был против системы «теплый пол». Считал такое нововведение барством. И не соглашался, сколько мама его ни упрасивала.

Но так приятно ступать босыми ногами! Просто кайф!

Закручиваю на голове тюрбан из еще одного полотенца и надеваю халат. По-хорошему, волосы нужно посушить перед сном. Но я падаю с ног от усталости.

– Завтра. Все завтра, – шепчу себе под нос.

И улегшись в постель, улыбаюсь Жуже, растянувшейся в своей собственной кровати.

– Спокойной ночи, Жужелица, – восклицаю негромко. Собака, приподняв голову, смотрит недовольно. Словно дает понять, что Жужелицей ее может называть только один человек. Хозяин дома.

– Ну простите, Жужа Султановна, – смеясь, падаю на подушки. И закрыв глаза, шепчу под нос древнюю поговорку: «На новом месте приснись жених невесте!».

«Интересно, кого увижу во сне», – думаю я, сворачиваясь клубком. Подложив руку под подушку, вдыхаю запах свежестиранного белья. Нотки жасмина с легкой примесью сан-

дала. Очень приятно пахнет!

И неожиданно прислушиваюсь. Где-то внизу переговариваются люди. А затем слышится шелест шин, скользящих по безупречно выложенной тротуарной плитке. Хлопает дверца.

Кто-то приехал?

«Отец обещал прислать за мной кого-нибудь из братьев», – охаю я, подсказывая. Если прибыл старший – Илья, то с ним еще можно договориться. А вот с Никитой – нет.

Со всех ног лечу к окну, желая рассмотреть неведомого гостя. И замираю на месте, натываясь взглядом на крепкую фигуру Димирова.

Катин отец быстрым шагом идет к машине. Отдает на ходу какие-то указания. С грацией хищника садится на заднее сиденье Мерса. Роскошный черный автомобиль премиум класса, сверкнув красными сигнальными огнями, срывается в темноту.

«Куда это он на ночь глядя? – думаю я о Димирове. – Какие дела погнали его прочь из дома? Или поехал на свидание?»

Вернувшись в постель, пытаюсь представить рядом с ним женщину. И это точно не Катина мама.

На ум приходит ослепительно красивая блондинка, похожая на мою невестку Антонину. Илья влюбился в нее без памяти и почти сразу сделал предложение. Но Тонечка добрая и очень душевная. А рядом с Димировым я вижу холодную

расчетливую стерву.

Обычная девушка точно не заинтересует такого крутого мужика.

«Встретить бы мне похожего!» – с надеждой вздыхаю я, вернувшись в постель. Никто из моих прежних кавалеров даже в подметки не годится Александру Георгиевичу. И дело тут не в богатстве или власти. А в самой настоящей харизме. Этот человек действует на меня завораживающе. Я даже дышать забываю в его присутствии.

«Наверняка где-то ходит парень, похожий на Диминова. Пусть меня найдет!» – улыбаюсь мечтательно. Теперь-то я точно знаю, какого хочу мужа. Не сейчас. Лет через пять...

И провалившись в сон, сразу оказываюсь в бунгало на берегу океана. Посреди комнаты стоит огромная кровать. И я лежу на ней поперек. А рядом Александр Георгиевич...

Саша. Сашенька...

Широкая ладонь по-хозяйски придерживает мою грудь. Длинные холеные пальцы привычно играют сосками. А я, прижавшись спиной к ласкающему меня мужчине, смотрю на наши переплетенные пальцы.

Легонько дотрагиваюсь до золотых ободков. И выгибаюсь дугой, когда язык Диминова прокладывает влажную дорожку по моей шее, а потом спускается ниже. Чуть обветренные губы вбирают в себя вершинку моей груди. И я задыхаюсь от восторга.

И снова оказываюсь во власти Диминова. Только теперь

мы ждем ребенка. И вместе принимаем ванну. Здесь. Дома. Александр Георгиевич кладет обе ладони на мой живот, а я, облокотившись спиной о грудь мужа, прикрываю глаза и млею от счастья.

И словно от разряда током, подскакиваю на кровати.

«О божечки! Приснится же такое!» – охаю я, обхватывая себя обеими руками. Даже думать о нем нельзя! Это же Катин отец!

«Это всего лишь сон. Моя фантазия», – оправдываюсь, сжимая одеяло между ног.

И почувствовав дискомфорт от влажных шорт, тяжело поднимаюсь с кровати.

Тут же с места подпрыгивает Жужа, невольная свидетельница моих глупых метаний.

– Мы никому не скажем, правда? – вздыхаю я, до конца не придя в себя от шальных эмоций.

Нужно пойти в душ. Помыться. Сменить белье. Но ноги сами несут меня к окну. Опершись ладонями на подоконник, безотчетно пялюсь на уголья Димировых, кое-где подсвеченные фонарями. И вздрагиваю, когда около крыльца останавливается все тот же черный мерс.

Дверца резко открывается. Но я успеваю отпрянуть в сторону, прежде чем нога в белом мокасине касается плитки. Из-за плотной портьеры наблюдаю, как Димиров выходит из машины. Холеное лицо искажено гримасой злости. Зубы стиснуты. Даже с такого расстояния кажется, что на скулах

ходят желваки.

«Интересно, кто же его так разозлил? – думаю я, не в силах сдвинуться с места.

Александр Георгиевич безотчетно поднимает голову к моему окну. На долю секунды мы сталкиваемся взглядами. Задыхаюсь от ужаса и смятения. Инстинктивно шарахаюсь к кровати. И упав на постель, зажимаю глаза, словно от яркой вспышки.

Он меня не увидел. Просто не мог!

10. Не смотри наверх!

Димиров

Машина летит по ночной Ленинградке, а я задумчиво пялюсь в окно.

– Шеф, около супермаркета остановимся? – осторожно спрашивает меня Денис.

– Да, – киваю на автомате.

– Что купить? Как обычно? – спрашивает он, выходя из машины.

Снова киваю, не желая ни с кем говорить. Хотя мне и удастся прогнать Настю из собственных думок и настроиться на рабочий лад, но любая мелочь отвлекает и снова возвращает мои мысли в прежнее русло.

Настя. Настенька. Как же у тебя так получается? Ты и не догадываешься, а мужики с ума сходят.

Я, как дурак, мучаюсь. Придется от тебя отгонять всех любителей молодого мяса... Охрану приставить, что ли?

За Катюхой и так тут присматривают. Я особо не боюсь всяких отморозков. Каждый знает, кто такой Саня Димиров. И лишний раз не сунется. Себе дороже. Так не только зубов лишиться можно.

Но Катерине этого лучше не знать. Иначе совсем берега попутает. Здесь, в большом городе, много соблазнов. Вот от них и защищаю. А теперь придется и за Настёной приглядывать.

Девочка нежная. Каждый обидеть может. А еще женихи эти... Наверняка отбоя не будет. Придется оберегать. Чисто по-отцовски. Такую девочку невозможно бросить одну в Москве. Всякая гнусь сразу чует легкую добычу и норовит напасть.

Щелчок открываемой дверцы пинком возвращает в реал. Удивленно смотрю на большой, набитый хавчиком бумажный пакет.

– Вроде все купил, – вздыхает Денис, опуская его на сиденье рядом со мной.

Обычное дело. Только в этот раз мутит до оскомины.

Какого хрена я решил ехать к Снежане? Совсем с ума сошел? Еще бы Дарину из Сочи выписал!

– Разворачивайся, – коротко велю Денису, стоит ему только усесться за руль.

– То есть? – изумленно смотрит на меня мой верный водитель.

– Едем домой, – усмехаюсь криво. И отворачиваюсь к окну.

– Девочке бы позвонить надо, – осторожно замечает Денис, включая двигатель.

«Что? Какого ей звонить? Она уже спит. И у меня нет ее

номера», – раздраженно морщусь я и не сразу врубаюсь, что речь идет не о Насте.

Снежана. Чтоб ей!

– Хорошо, – вздыхаю недовольно. – Давай заедем. Ты поднимешься. Отдашь продукты. Скажешь, что меня вызвали в мэрию...

– В половине первого ночи? – приподнимает одну бровь Денис. – Нужна отмазка получше, шеф.

– Тогда сам придумай что-нибудь, – отмахиваюсь от водителя, как от надоедливого комара. Задолбал!

– Ты у меня такая умная, милая. Придумай что-нибудь сама, – едко усмехается он, вспоминая старый анекдот.

– Типа того, – ухмыляюсь я и добавляю чуть раздраженно: – У тебя получится, Дёня.

Мерс проезжает несколько кварталов, сворачивает во дворы и тормозит около знакомого подъезда.

– Давай. Я в тебя верю, – подначиваю Дениса.

– Вот что тебе дома не спалось, шеф, – добродушно ворчит он, забирая дурацкий пакет.

Громко хлопает дверцей. И чуть ли не бегом несется в подъезд.

А я лениво разглядываю компанию подростков, сидящую неподалеку на лавочке. Русая длинноногая телка и два пацана. И сразу не понять, кто с кем встречается. Подростки еще. Сопляки! Как дети тискаются и смеются. По очереди что-то пьют из высокой жестяной банки. Пиво или энергетик? Не

разобрать.

Но вот один, передав банку другому, запускает ладонь под короткую юбочку. Второй лапищей сжимает маленькую грудку. Твою мать! Вот у них все просто. Мне бы в мои шестнадцать Ритка точно бы залепила пощечину. Но телочка, похоже, не возражает. Расставляет ноги пошире. А когда рука второго сосунка устремляется к ней в трусики, выгибается всем телом.

Твою ж мать! Так и пойдет девка по рукам. Родители куда смотрят?

Глаза от ярости застилает белым маревом. Нет, на эту телку мне глубоко наплевать. Да и воспитание трудных подростков не по моей части. Но рука инстинктивно тянется к дверной ручке. Распахнув дверцу, выхожу наружу. Вдыхаю прохладный ночной воздух и в два шага оказываюсь рядом с малолетками.

Даже не успеваю сам себя спросить, какого хрена меня туда несет.

– Эй, вы, – окликаю пацанов. – Руки убрали. Быстро. А ты, – подойдя, в упор смотрю на девуцу. – Марш домой. А то все классухе передам.

Девчонка маленькая, неумело и сильно накрашенная, дергается как от удара. И подхватившись с лавки, несется к соседнему подъезду.

– А ты кто такой, дядя? – исподлобья смотрят на меня подростки. Похоже, обломал я их знатно.

– Руководитель ПНД по городу Москве. Полковник полиции Ибрагимов, – выдаю с серьезной миной. – Вот езжу, проверяю. Что пьете, пацаны? Шмалью не балуетесь?

– Нет! Что вы! – в один голос испуганно вопят ребята. Показывают мне банку с надписью «Кока-кола».

– Присматривайте тут, – даю указание напоследок.

– Хорошо, – чуть не плача кивают мальчишки. И просят, перебивая друг друга: – Только вы про Люську в школу не общайте. Иначе отчим ее забьет. Он злой и беспредельщик.

– Как фамилия? – спрашиваю, входя в роль. Да еще достаю из кармана айфон. Записываю данные отморозка.

Вглядываюсь в лица пацанов. Мальчишки еще. Лет тринадцать-четырнадцать.

– Договорились, – киваю серьезно и добавляю строго: – Не задерживайтесь тут.

И увидев, как из подъезда выскакивает запыхавшийся Денис, быстрым шагом иду к машине.

– Ну шеф! Ну шеф! – охает он, прыгая в Мерс. – Все явки и пароли сдал! Ну кто так делает?

– Что-то случилось? – роняю скупое.

– Я же с три короба наплел, а Снежана тебя в окно увидела, – охает как баба Денис. – Ну понесла же тебя нелегкая...

– Согласен. – Укладываю затылок на подголовник и закрываю глаза. И сам не могу понять, почему вышел из машины и вмешался? Зачем разогнал тискающихся подростков? Даже если бы трахались, мне какое дело?

«Ладно. Проехали», – усмехаюсь, пытаюсь расслабиться. Но телефон жужжит, доставляя в Вотсап сообщение от Снежаны.

«Это что сейчас было?»

«Ничего», – отправляю ответ и лениво заношу контакт в черный список.

«А вот не фиг со мной разговаривать в хамском тоне», – приговариваю, ощерившись.

Злюсь. На Снежану. На самого себя. Какого хрена меня к ней понесло? Хотел сбросить пар, а разозлился еще больше.

«Выдыхай, – приказываю себе. – Давай успокаивайся. Иначе это добром не кончится!»

И прикрыв глаза, пытаюсь сосредоточиться на последнем проекте. Кстати, с утра нужно в мэрию съездить. Может, найдется пятно в центре города с хорошим видом. Мы бы там клубный дом построили. Невысокий. Этажа в четыре. С террасами и панорамными окнами...

Машина плавно въезжает в ворота. Тормозит около крыльца. На автомате поднимаю глаза вверх. Около окна в своей комнате стоит Настя. За тонкой узорчатой гардиной ее почти не видно. Но я точно знаю, что она там.

Выходя из Мерса, даю себе команду «не смотреть!». Но как дурак, инстинктивно задираю голову. И усмехаюсь, заметив колышущиеся занавески. Я не ошибся.

Настя, девочка, какого ты не спишь!

Стремительно поднимаюсь к себе в апартаменты. И сра-

зу прохожу в ванную, по пути раздраженно стаскивая с себя пропотевшие шмотки. Встаю под холодный душ, подставляя лицо под ледяные колючие капли. И неожиданно понимаю, почему разогнал подростков.

Девчонка издалека показалась мне похожей на Настю. Это ее я спасал от лап зеленых пацанов. Это из-за нее меня охватила свирепая ярость. Стоило только представить, что кто-то лезет под юбку к Насте Макаровой, так и слетел с катушек.

– И что теперь? – выйдя из-под душа, спрашиваю свое отражение в зеркале. Морда перекошена. Рот полураскрыт. Под глазами мешки. Морщин еще нет ни одной. Но это вопрос времени. Одно знаю точно: я совершенно не гожусь для Насти. Слишком стар для нее. Поэтому нужно выкинуть девчонку из головы. И жить как прежде. Усмехаюсь криво. И понимаю, что все бесполезно. Меня тянет к ней. Безумно.

– Думай о ней как о богине. Богинь не трахают. Им поклоняются. Вот и Настя Макарова твоё тотемное божество, – уговариваю свое отражение в зеркале. Но оттуда на меня смотрит хищник, уже почуявший гон.

11. Завтрак

Настя

Подскакиваю от первого звонка будильника. Плетусь в ванную умываться. И с ужасом смотрю на отражение в зеркале. Лицо бледное. Под глазами мешки. Я и не спала толком. Стоило только задремать, как снова ко мне возвращался Александр Георгиевич.

– Что-то ты перевозбудилась, девочка, – говорю самой себе. И включив ледяную воду, умываюсь наскоро. Стянув волосы в хвост, надеваю халат и со всех ног несусь к Катерине.

– Кать, – стучу в дверь. – Просыпайся, а то опоздаем!

Не получив ответа, тихонечко приотворяю дубовую, специально состаренную дверь. И охаю от возмущения. Катька моя дрыхнет без задних ног, раскинувшись звездой по кровати.

– Димирова, – дергаю за ногу. – Просыпайся сейчас же.

Подружка открывает глаза, смотрит на меня ясным взглядом и, поморщившись, предлагает:

– Макарова, давай прогуляем сегодня, а? Мы ведь только приехали.

– Нет, – мотаю головой. – Мы же учиться приехали. Фи-

лонить и дома можно...

– Тут Москва-а-а, – мечтательно тянет Катерина. – У меня таки-и-и-е планы-ы.

– Вставай, плановик, – бурчу я, выходя из комнаты. – Потом расскажешь. Сейчас нужно позавтракать и ехать в университет.

– Ага, – бодро отвечает Катерина. – Через пятнадцать минут встречаемся в столовой. Время пошло.

– Смотри не засни, – роняю на ходу. И вернувшись в свою комнату, застилаю постель. Лезу в шкаф за костюмом. Снимаю с плечиков пиджак и водолазку, а затем и брючки. Наскоро одеваюсь и оглядываю себя в зеркале.

Черный твидовый жакет с круглой горловиной кажется мне верхом моды. Да и сама я выгляжу в черном костюме и в белой водолазке как супер-модель. Мы с мамой заказали этот костюм со скидкой по интернету, а потом Илья с Тоней забрали его в ЦУМе. Хьюго Босс! Круть невероятная. Хотя на сайте было указано, что это модель прошлого года. Поэтому и скидка.

Но мне на бренды и новинки моды плевать. Главное, чтобы хорошо смотрелся. А все остальное пустяки!

Еще раз оглядываю себя в зеркале и, подхватив рюкзачок, несусь к Катерине. Стучусь и сразу дергаю ручку. Но комната заперта.

«Значит, уже в столовой», – думаю я, нажимая кнопку лифта. И спустившись вниз, не сразу понимаю, куда мне ид-

ти.

– Доброе утро, Настя, – раздается сзади знакомый голос. И я чуть не подпрыгиваю на месте от неожиданности. Впитываю в себя каждую нотку бархатистого тембра. И за малым не бросаюсь на шею хозяину дома.

«Стоп, Макарова. Веди себя прилично!» – пытаюсь охладить собственный пыл.

– Доброе утро, Александр Георгиевич, – лепечу я, повернувшись, и пропадаю под внимательным взглядом черных глаз.

– А Катерина где? – спрашивает Димиров, строго озираясь по сторонам.

А я залипаю взглядом на высоком крепком мужчине в строгом сером костюме и в галстуке. Красивый. Очень.

– Катя, наверное, уже в столовой, – замечаю растерянно. – Мы там договорились встретиться.

– Вот как? – улыбается он и добавляет добродушно: – Тогда пойдем.

В столовой уже накрыт большой круглый стол. На блюде покоится красиво выложенная мясная нарезка, а в вазе – фрукты. Отдельно на подносе лежат круассаны. В маленьких баночках, расставленных по столу, я замечаю мед, черную и красную икру, какой-то джем. А в глубоких белых тарелках уже дымит каша.

– Катя где? – изумленно оглядывает помещение Димиров. Тут же на его голос является горничная. Александр Георги-

евич бросает на нее короткий взгляд и сосредотачивает свое внимание на завтраке.

– Прощу, Анастасия, – шутливо приглашает меня к столу. – Омлет будешь или яичницу?

– Омлет, – киваю растерянно.

– Я тоже, – улыбается он. И повернувшись к вошедшему в столовую важному повару, роняет коротко: – Ты услышал, Валера?

И тот сломя голову несется на кухню.

«Как такое может быть?» – охаю мысленно. Какую власть над людьми имеет этот человек. Мама моя отказалась от домработницы. Проще самой убрать в доме, чем переделывать за чужим человеком и платить ему зарплату.

– Что там? – поворачивает голову к вошедшей горничной Димиров.

– Катя спит, – рапортует та. – Дверь была заперта. Я открыла своим ключом. Екатерина Александровна кинула в меня подушкой и велела оставить ее в покое.

– Будите, – хладнокровно велит Александр Георгиевич и совершенно спокойно принимается за завтрак. Мажет хлеб маслом, потом икрой.

Как зачарованная, наблюдаю за каждым движением хозяйина дома. Бездумно пялюсь на серебряный нож, удерживаемый красивыми длинными пальцами.

– Настя, – с улыбкой окликает меня Димиров. – Ешь уже. Скоро выезжать.

– А как же Катя? – охаю я.

– Пойдет пешком, – строго отрезает Александр Георгиевич.

Быстро съедаю омлет и беру круассан. Он еще теплый. Действительно теплый! Значит, пекли с утра. Это невозможно. Фантастика! Есть на завтрак свежие круассаны. Мазать джем и наблюдать, как он растекается, пропитывая теплую сдобу.

– Что там? – снова поворачивается к горничной Димиров и спрашивает насмешливо: – Моя принцесса соизволила встать?

– У нее голова болит, Александр Георгиевич, – рапортует женщина в синем глухом платье и в белом переднике.

– Я понял, – скупно кивает Димиров. И подхватив со стола трубку, звонит кому-то. – Вадим, подъезжай за моей Катей к восьми. А вы, Юлия Васильевна, проследите, чтобы она позавтракала и вовремя спустилась к машине.

– Хорошо, – неуверенно мямлит горничная. И хочет что-то добавить, но Димиров уже переводит строгий взгляд на меня.

– Ты готова, Настя? Через пять минут выезжаем.

12. Ладощка в его руке

Настя

– Почему именно мехмат, а не Вышка? – благодушно интересуется Димиров, стоит нам только сесть в машину.

В салоне пахнет кожей и чем-то сандаловым. Приятный запах нового автомобиля. В том, что он новый, я нисколько не сомневаюсь. Это запах ни с чем не спутаешь. В памяти мгновенно вырисовываются отец и Илья, радующиеся своим новым тачкам.

– Настя, – окликает меня Димиров, доставая ноутбук из портфеля.

Вздрагиваю от неожиданности. Мне же задали вопрос. А я в облаках витаю. Да еще селективный парфюм самого Александра Георгиевича действует на нервы. Такой приятный запах.

«Интересно, а как пахнет сам Димиров?» – шало думаю я и отвечаю, спохватившись:

– У нас в городе нет Высшей школы экономики.

Тереблю в руках рюкзачок. И сама себе смешна. Капитан Очевидность!

– Я в курсе, – чуть насмешливо роняет Александр Георги-

евич. – Но я спрашивал у Катерины. Она наотрез отказалась переводиться туда. А Вышка все-таки попрестижней мехмата.

– Там обучение только платное, – усилием воли не отвожу глаз.

Отмечаю небольшой аккуратный нос, высокие скулы и черные, будто бездна, глаза. А еще губы. Чуть припухлые и такие манящие. Так и хочется провести по ним пальцем. И по слегка небритой щеке тоже. Стоит только руку протянуть...

Господи, о чем это я? Человек ведет со мной серьезный разговор. А я опять, как ворона, о всяких глупостях думаю!

– Сколько? – смотрит он на меня чуть насмешливо. – Вроде недорого. Я узнавал.

– Триста двадцать тысяч в семестр, – выдыхаю я. – Отличникам скидки.

– Да, это немного, – кивает он. Трет подбородок, о чем-то размышляя, а затем интересуется серьезно: – А если вам подумать и перевестись туда?

– У меня таких планов нет. И у родителей я деньги просить не хочу, – мотаю головой.

– Почему? – тут же следует короткий вопрос. Словно выстрел.

– Папа считает, что нет смысла платить там, где можно получить бесплатно, – неловко улыбаюсь я. Можно еще добавить про медицинский, куда мне следовало поступить по

настоящему семьи. Но обсуждать отца я ни с кем не хочу.

– Разумно, – медленно кивает Димиров. – Но этот принцип не касается образования. Если хочешь... – медленно тянет он, размышляя над каждым словом. – Я выдам тебе беспроцентный заем лет так на десять. Подумай. Обсуди с родителями. Это хороший вариант.

– Спасибо. Но нет. Я мечтала учиться именно в МГУ, – мямлю я как дурочка. Не даю себе даже возможности поразмыслить. Триста двадцать тысяч – огромные деньги даже для моей семьи. А для меня одной тем более.

– Посмотрим, – чуть недовольно бросает Александр Георгиевич. – В зимнюю сессию народ повывает, и вас будет легче туда засунуть, – решает он. – Мне бы хотелось, чтобы Катя училась в ВШЭ. А она без тебя даже с места не сдвинется.

– Вы преувеличиваете, – мотаю головой. Но Дамиров верно подметил. Мы с Катей с детского сада не разлей вода.

– Вернемся к этому разговору позже, – морщится Димиров, видимо раздраженный моим упрямством. – Мне нужно поработать, – одной фразой возводит между нами барьер. И до самой Москвы что-то внимательно разглядывает в ноутбуке. А мне остается только отвернуться к окну. Невозможно все время пялиться на Катиного отца. Еще решит, что я идиотка!

В телефоне тренькает эсэмэска.

«Доброе утро, Настя! Как дела?» – пишет мама.

«Все хорошо. Еду в университет», – отбиваю сообщение.

«Удачи тебе, родненька!» – приходит ответ.

«Спасибо, мамочка! Вам с папой тоже», – набираю я, смагивая слезы.

И снова смотрю в окно. Машина на крейсерской скорости прет по московским проспектам и замирает около самой знаменитой из сталинских высоток.

С придыханием задираю голову, стараясь рассмотреть звезду на шпиле. Но ничего не получается.

– Станция «Альма матер». Приехали, – слышится рядом веселый голос Александра Георгиевича.

– Спасибо, – выдыхаю я, повернувшись. И снова натыкаюсь на пробирающий до костей взгляд Димирова. Где-то внизу живота тугой пружиной скручивается сладкое томление. Непонятное чувство. Даже страшно немного.

– Спасибо. До свидания, – причитаю я, стараясь справиться с внутренним жаром. – А где тут первый корпус? – распахнув дверь, спрашиваю обалдело.

– Вот он, – кивает Александр Георгиевич на главное здание. – Тебе в кабинет 1510. Сама дорогу найдешь? – В голосе сквозят забота и легкая насмешка.

– Найду, – выдыхаю я, ощущая себя полной дурой, и пробкой выскакиваю из мерса.

Сделав пару шагов, замираю в ужасе. Куда идти? Меня пропустят на входе?

Была бы Катя, мы бы вдвоем легко справились. А самой

штурмовать МГУ страшновато. Но ничего не поделаешь! Надо идти.

– Настя! – раздается сзади голос Димирова, заставляя меня вздрогнуть от неожиданности. Оказывается, машина никуда не уехала. И сам Димиров, и его охрана, не скрывая веселья, наблюдали, как глупая девочка из провинции тарашится на главный универ России.

– Пойдем провожу, – быстрым шагом направляется ко мне Александр Георгиевич.

Сзади, как по команде, выпрыгивает из иномарок охрана.

– Нет, что вы? Я сама, – возражаю, пытаюсь скрыть испуг.

– Ага. Я вижу, – серьезно кивает Катин отец. И взяв меня за руку, ведет к главному корпусу. Сердце уходит в пятки, как только мою ладошку берет в плен лапища Димирова. Все нутро переворачивается от избытка чувств, а сердце барабано-м стучит в ушах.

Не вырываюсь. Нет смысла позориться, привлекая внимание к нашей маленькой группе. Иду рядом, еле-еле поспевая за высоким статным мужчиной.

И в глубине души ругаю себя за беспомощность. Чего тут бояться? Университетов я, что ли, не видела? Везде одно и то же.

Но нет! Сейчас все совсем иначе. Огромное здание давит на меня своей мощью, заставляет сгорбиться. Почувствовать себя песчинкой в людском потоке. Зазеваешься, и смочет волной. Только Димиров мощным буксиром тянет меня вперед,

разрезая толпу, будто нож масло.

Паника уступает место спокойствию. Я не одна. Я под защитой. Хотя бы сейчас, в этот момент. Потом все наладится. И я, привыкнув, вольюсь в учебу. Но сейчас я искренне благодарна Катиному отцу за помощь. Занятой человек, а смог уделить время. Мой бы точно не стал заморачиваться.

Сосредотачиваюсь на ладошке, зажатой в пальцах Димитрова. Кажется, весь мой мир сузился до соприкосновения наших рук. Тепло разливается по коже, заставляя трепетать. Усилием воли пытаюсь сконцентрироваться на главном.

МГУ! Я так мечтала учиться именно здесь. Задрав голову, смотрю на шпиль со звездой. Потом перевожу взгляд на башенки, стоящие чуть ниже. Таращусь на часы на башне и на скульптуры, украшающие фасад. До сих пор не верится, что я буду тут учиться.

– Говорят, их сам Гагарин отливал, – скупно улыбнувшись, кладет холеные пальцы на бронзовую ручку двери Александр Георгиевич. Распахивает передо мной тяжелую створку.

И войдя в холл, украшенный мраморными колоннами и люстрами, протягивает застывшему по стойке «смирно» охраннику красные корочки.

– Проходите, – нажимает тот на какую-то кнопку. Запрещающий знак вертушки тут же сменяется зеленым цветом.

– Тебе бы пришлось звонить в деканат. Пока бы выписали пропуск, полдня бы прошло. А так быстро мы проскочили, –

наклонившись ко мне, усмехается Димиров. Пропускает меня вперед. Но и сам ни на шаг не отстает. Словно боится потерять меня в толпе. Идет следом, до минимума сократив дистанцию. Я даже слышу его дыхание. И парфюм, от которого до сих пор сносит крышу.

Снова взяв за руку, через мраморный холл ведет к лифтам. Основная масса не обращает на нас никакого внимания. Но некоторые аж останавливаются, увидев знакомое лицо. Радостно кивают Димирову, а затем концентрируют внимание на его спутнице. То есть на мне. Исподволь ловлю оценивающие взгляды, прощупывающие меня насквозь.

«Кто ты такая? – будто спрашивают холеные гламурные цыпочки. – Почему оказалась рядом с самим Димировым?»

«Самозванка», – проносится эхом у меня в голове. Но пытаюсь запомнить каждый момент этого удивительного шоу. Больше оно никогда не повторится. Я иду за ручку с очень крутым мужиком. И как дурочка, фантазирую.

Он – мой муж, а я его жена. И ничего нет особенного, если в первый день он проводит любимую женщину до деканата. Нельзя? Почему? Для настоящей любви нет законов!

«Стопэ», – прошу собственную фантазию. Иначе я умом тронусь. Пойди потом разбери, где реал, а где мои глупые мечты.

На небольшой площадке толпится народ. Студенты подшучивают друг над другом, несмотря на парочку насупленных преподавателей, ведущих между собой серьезную бесе-

ду. Замедляю шаг, немного не доходя до первого лифта.

И тут же слышу над самым ухом раздраженный глухой рык: «Настя, не тормози». Димиров собственнически дергает меня за руку. И ведет к лифту, который уже оккупировала охрана и оттеснила прочь непонятливых.

– Давай быстренько. Люди ждут, – абсолютно бесстрастно замечает Александр Георгиевич, как будто это я задерживаю толпу. Широкая ладонь ложится мне на спину. Плыву от невинного прикосновения и от легкой волны парфюма.

Делаю шаг, стараясь не смотреть по сторонам. И даже дышать забываю, когда пальцы Димирова по инерции скользят по позвоночнику. Словно проверяют качество шва на спинке моего пиджака. Всего одно мгновение. Но по всему телу мгновенно разбегаются миллионы разрядов. Пульс бьется с удвоенной скоростью. Ничего не соображаю. Только бы не упасть!

Вхожу в пустую кабину, инстинктивно чувствуя защиту от ненавидящих взглядов, бьющих в спину. Большой сильный мужчина принимает на себя все удары судьбы.

Один из телохранителей Димирова предупредительно нажимает на кнопку пятнадцатого этажа. Створки закрываются, и лифт взмывает вверх. Ничего необычного. Вот только пальцы, зажатые крепкой рукой Александра Георгиевича, вмиг становятся потными. Осторожно вынимаю ладошку из плена. И достав из кармана платок, вытираю руку. Но как только опускаю ее, снова сильные пальцы слегка сжимают

мои, заставляя меня содрогаться от близости. Словно глупая гусыня, рассматриваю серую ткань брендового пиджака. И еле сдерживаюсь, чтобы не погладить.

И выдыхаю, когда створки лифта выпускают нас на факультете.

– Приехали, Настя, – улыбается мне Димиров, подводя к дверям деканата. И едва коснувшись плеча, напутствует серьезно: – Дальше сама. Будь умницей.

Быстрым шагом возвращается к лифту, который держит для него охрана. А я смотрю вслед широкой спине. Залипаю взглядом на накачанных плечах и такой же заднице. И с сожалением вздыхаю, когда створки закрываются, унося прочь Александра Георгиевича и мои глупые фантазии.

От резкого звука инстинктивно отскакиваю в сторону. Рядом со мной резко открывается дверь, норовя ударить меня по лбу. Какой-то блондинистый старшекурсник, вывалившись в коридор, чуть не сбивает меня с ног.

– О-ба-на, какие у нас тут девочки красивые ходят! – пристыживает, припечатывая жадным взглядом. – Ты в деканат, крошка?

– Ага, – киваю, снова возвращаясь в реал. И добавляю сердито: – Я тебе не крошка.

– Прошу! – распахивает передо мной дверь блондинчик.

– Димирова или Макарова? – отрывается от бумаг сухонькая седая женщина, услышав мое «здрасьте!»

– Макарова, – достаю из рюкзака паспорт.

– Не надо, – машет тонкой лапкой старушка. – Нам твое личное дело уже прислали. Держи, – протягивает студенческий и зачетку.

Трясущейся рукой беру документы. Даже не верится, что я стала студенткой МГУ. Я даже об этом мечтать не могла!

– А Диминова где? – строго интересуется тетка.

– Она идет. Скоро будет, – придумываю на ходу.

– Так. Мне ждать некогда. Забирай и ее документы тоже.

В ведомости распишись. И на занятия бегите, девочки. У вас дифур следующей парой. На него лучше не опаздывать.

– Спасибо! – киваю на прощанье и, на ходу засовывая долгожданные корочки в рюкзак, выхожу из деканата. Нужно прямо сейчас найти расписание и узнать, где у нас пара.

Дифференциальные уравнения. Блин. Не люблю их!

– А я решил тебя дождаться, – нахально улыбается долговязый блондин, чуть не сбивший меня с ног.

– Зачем? – гляжу непонимающе. Красивый парень, знающий себе цену. Вот только совершенно не в моем вкусе. Я люблю брюнетов. Лет так за тридцать.

13. К доске!

– Ты вообще где? – бухтит в трубку Катерина, отвлекая меня от блондина.

– На пятнадцатом этаже, – сообщаю чуть раздраженно. – А ты где, Кать?

– Подъезжаем уже. В городе ужасные пробки!

Смотрю на часы, висящие на стене. До начала следующей пары еще полчаса.

– Сейчас спущусь вниз. Тебя встречу, – заявляю негромко. Но, похоже, мой новоявленный ухажер слышит каждое слово.

– Давай провожу, – предлагает он. – Самый крайний лифт обычно меньше всего нагружен. Идем. – Схватив за руку, блондинчик тянет меня к лифтам.

«Да что же это день сегодня такой?» – охаю с возмущением.

– Отпусти, пожалуйста, – останавливаюсь посреди коридора. – Не надо меня хватать.

– Хорошо-хорошо, – поднимает вверх обе ладони блондин и предлагает дурашливо: – Давай знакомиться, недотрога. Я – Антон Масловский. Третий курс.

– Анастасия Макарова, второй курс, – киваю, улыбаясь.

– Странно, что я тебя раньше не видел, – вздыхает Антон и кивает на подъехавший лифт:

– Наш троллейбус, Стася!

«Стася!» – фыркаю мысленно. Так меня еще никто не называл!

И всю дорогу до первого этажа пытаюсь понять, почему от Димирова у меня сводило нутро от желания и порхали бабочки, а когда Антон только прикоснулся, вырвалась как дикарка.

Говорят, любовь – это химия. Слабо верится, конечно! Но на Сашу я запала конкретно. Надо что-то с этим делать. Может, стоит подружиться с этим Масловским. Кажется, пацан залип. Вон, смотрит на меня, не отрывая глаз.

– А твоя подружка тоже у нас учится? – интересуется Антон, стоит нам только выйти на крыльцо. Замечаю тот самый внедорожник, который привез нас в столицу. Машина неспешно паркуется около самых ступенек. Задняя дверца открывается, выпуская Катерину на волю.

– Ну наконец-то! – выдыхаю, забыв, что рядом Антон.

– Я смотрю, у тебя мажористая подружка, – кивает он на джип Димирова.

– А это запрещено законом? – поднимаю испытывающий взгляд на нового знакомого.

– Нет, Стася, – оправдывается поспешно он. Зачесывает назад белую челку. – Я просто пошутил. Сложно с тобой.

– Найди другого собеседника, – пожимаю плечами. И сбегая вниз навстречу Катерине.

– Макарова моя, – прыгает она мне на шею.

– Димирова, – целую куда-то в ухо и добавляю серьезно: – Идем скорее. У нас диффуры первой парой.

– Вот повезло, – театрально вздыхает Катя и шепчет заговорщицки: – Слушай, я одну пару посижу и сольюсь. Хочу встретиться с Алишером. Прикинь, нет у него никакой невесты. Папа меня надурил как лохушку, – тараторит она.

А я оглядываюсь по сторонам. Антон куда-то делся. Ну и ладно!

– О божечки-кошечки, как тут красиво! – войдя в здание, охает Катерина. Схватив меня под руку, оглядывается по сторонам с открытым ртом.

– Нам на двенадцатый этаж, – киваю на лифты. – Давай быстрее, перемена скоро закончится.

– Вот ты нудная, Макарова, – фыркает Катерина и снова шепчет вполголоса: – Короче, мы с Алишером договорились сходить вместе на бой. Там этот зверь будет участвовать. Байрат, кажется.

– Айрат, – поправляю на автомате и добавляю с опаской: – Кать, а как же твой папа?

– Его там не будет, – отмахивается она. – А значит, никто ничего не узнает. Я же не могу сидеть и ждать какого-то неведомого мужа. Вот свалится он мне на голову, – возмущенно взмахивает она руками. – И сразу отведет смотреть бои. Ага! Щаз!

– Тихо ты, – цежу, когда мы подходим к лифтам. А там уже около самого крайнего маячит Антон. Я замечаю его вих-

растую светлую башку и тяну Катю к первым открывшимся створкам.

– Ты уже здесь от кого-то ныкаешься? – изумленно спрашивает она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.